

Н. 216.

А. А. Анисимов

Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

Содержание

~~818~~

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1903 г.

Книга 1-я.

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типо-Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
(Рыбная улица, домъ № 30-й).

1903.

7981

Annales de l'Université Impériale de Khar'kow.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Устава печатать и выпустить
въ свѣтъ разрѣшается. Харьковъ. 15 Марта 1903 г.

Ректоръ Университета *Н. Куплеваскій.*

Книга I-я.

ХАРЬКОВЪ.

Издана Типо-Литографіею М. Гиндербурга и С. Кош.

1903.

Содержаніе.

Часть офіціальная.

Стр.

Столѣтіе Юрьевского, бывшаго Дерптскаго, университета. Отчетъ совѣту Харьковского университета. Проф. Н. Θ. Сумцова	1
Отзывъ проф. А. М. Лапунова о сочиненіи проф. В. А. Стеклова „Общія методы рѣшенія основныхъ задачъ математической физики“	25
Отзывъ проф. Н. Θ. Сумцова о диссертациі А. П. Кадлубовскаго „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“	34
Отзывъ проф. П. Н. Буцинскаго о диссертациі прив.-доц. В. И. Саввы „Московскіе цари и византійскіе василевсы“	38
Рапорты профессоровъ Шемелевича, Мигулина, Максимейко и прив.-доц. Ястржембскаго	47

Часть неофициальная.

Научный отдѣлъ.

Договоръ страхованія по русскому праву. Студ. В. Идельсона	1
Étud. W. Idelson. Contract d'assurance dans le droit russe.	
О микробныхъ ферментахъ и дѣйствиі ихъ по сравненію съ ферментами животныхъ (амилолитическими и протеолитическими). Студ. Ф. Н. Жмайловича	17
Étud. Jmaïlovitch. Ferments de microbes et leur action comparés avec les ferments animaux.	

Лѣтопись Харьковскаго Университета.

Проф. Апполлинарій Григорьевичъ Подрезъ, его служебная и литературная дѣятельность. Проф. М. А. Попова	1
Prof. M. Porow. Le prof. A. G. Podrèze.	
Александръ Карловичъ Делленъ. Обзорѣніе его ученой дѣятельности и біографическія данныя. Проф. И. В. Нетушила	97
Prof. I. Nétouchil. Le prof. A. C. Doellen.	

Приложенія.

Результаты наблюденій метеорологической станціи Императорскаго Харьковскаго университета за 1900 годъ	103
Résultats des observations faites au nouvel observatoire météorologique de l'université Impériale de Kharkow pendant l'année 1900.	
Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго сѣзда въ Харьковѣ.	
Введеніе въ исторію Греціи. Проф. В. П. Бузескула	305
Prof. W. Bouzescoul. Introduction à l'histoire de la Grèce.	

Объявленія.

Содержание

Часть официальная

1	Открытие нового вида бабочки (Lepidoptera, Papilionidae). Отряд бабочек Хар- ковской губернии. Проф. Н. В. Сумин
20	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин
44	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин
52	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин
61	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин

Часть неофициальная

Научный отдел

1	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин
17	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин

Патриарх Харьковской Университета

1	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин
37	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин

Приложение

100	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин
305	Известия о состоянии охотничьего промысла в Харьковской губернии. Проф. Н. В. Сумин

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Столѣтіе юрьевского, бывшаго дерптскаго университета ¹⁾.

12 декабря 1902 г. исполнилось столѣтіе юрьевского, бывшаго дерптскаго университета.

Столѣтіе—большой срокъ, даже въ жизни такого учрежденія, какъ университетъ, особенно большой и важный въ Россіи, при малочисленности русскихъ университетовъ, при крайней потребности страны въ прочныхъ и устойчивыхъ опорахъ высшаго образованія.

„Нелегко представить въ осязательныхъ чертахъ мѣру пользы, которая оказана университетомъ государству и обществу, говорилъ лѣтъ 20 тому назадъ проф. Владимірскій-Будановъ по поводу пятидесятилѣтія университета св. Владиміра. Умственные побѣды одерживаются не въ одинъ часъ... Сила знанія, подобно силѣ физическаго свѣта, дѣйствуетъ постоянно и равномерно, составляя ежеминутное условіе жизни всего живущаго“...

Одно изъ самыхъ необходимыхъ и основныхъ условій счастливой будущности нашего отечества заключается въ успѣхѣ научныхъ знаній; этотъ залогъ лежитъ преимущественно въ университетахъ, такъ какъ научныя изслѣдованія у насъ рѣдко появляются внѣ университетскихъ кафедръ. На университетахъ лежитъ двойственная задача—не только творчество науки въ независимомъ уединеніи отъ злобы дня, но и распространеніе ея среди колеблющихся условій современной жизни.

Дерптскій университетъ имѣлъ спеціальное большое значеніе передаточнаго пункта знанія. Во многихъ лицахъ и явленіяхъ Юрьевъ былъ тѣмъ мостомъ, по которому проходила издавна уже окрѣпшая въ Германіи университетская наука въ новые ея разсадники, возникшіе въ прошломъ столѣтіи на необозримыхъ равнинахъ восточной Европы, среди молодого, свѣжаго и даровитаго русскаго народа, въ университеты харьковскій, казанскій, кіевскій и др.

¹⁾ Въ основаніе настоящаго отчета Совѣту Харьковскаго университета я положилъ свои корреспонденціи въ „Южн. Краѣ“, во многомъ дополнивъ ихъ содержаніе. Проф. Н. Сумцовъ.

Дерптскій университетъ съ перваго момента своего возникновенія служилъ не только мѣстному краю, но и всей Россіи: господствующее о немъ представленіе, какъ представительъ исключительно нѣмецкихъ интересовъ и симпатій, требуетъ ограниченія. Уже въ учредительной его грамотѣ 12 декабря 1802 г. выражено Высочайшее желаніе, чтобы дерптскій университетъ служилъ „распространенію человѣческихъ знаній въ нашемъ государствѣ и купно образованію юношества на службу отечества“. Еще болѣе подчеркнута эта цѣль въ первомъ параграфѣ его устава 1803 г., гдѣ прямо сказано, что университетъ этотъ „учрежденъ въ Россійской имперіи для общаго блага“.

Задача служенія общему благу воодушевляла лучшихъ его представителей, начиная съ его перваго знаменитаго ректора Георга Паррота, личнаго друга Императора Александра Благословеннаго, друга Сперанскаго и Жуковскаго.

Въ первые годы существованія дерпскаго университета торжественныя публичныя засѣданія устраивались около 6 или 7 разъ въ табельные дни—15 сентября (празднованіе коронаціи), 12 марта (день восшествія на престолъ Императора Александра I) и др., причемъ въ произносимыхъ профессорами рѣчахъ отводилось мѣсто великому общему отечеству, напримѣръ, въ рѣчи проф. Гаспара объ успѣхахъ русскихъ въ изученіи морей, въ рѣчи проф. Клейненберга о гуманности русскаго законодательства, въ рѣчи проф. Пешмана о положеніи женщины въ древней Руси.

Въ тяжелое время борьбы съ Наполеономъ дерптскій университетъ мобилизовалъ всѣ свои силы для облегченія участи больныхъ и раненыхъ. Въ 1807 г. въ университетскихъ клиникахъ лѣчилось подъ надзоромъ профессоровъ 1000 человѣкъ изъ состава русской арміи, въ 1812 г.—1600 г.—цифра крупная, если принять во вниманіе, что въ Дерптѣ жителей въ 1802 г. было около четырехъ тыс., а въ 1830 г. около 8 тысячъ. Въ 1811 г. профессоръ русскаго языка и словесности Кайсаровъ произнесъ рѣчь „о любви къ отечеству“, а въ 1812 г. онъ вмѣстѣ съ профессоромъ политической экономіи Рамбахомъ принялъ въ войнѣ личное участіе и былъ убитъ въ сраженіи при Гайнау въ 1813 г. Когда изъ заграницы провозили черезъ Дерптъ тѣло Кутузова, проф. Моргенштернъ сказалъ надъ гробомъ патріотическую рѣчь, а ректоръ Парротъ возложилъ на гробъ вѣнокъ отъ имени университета. Въ одной рѣчи проведена та мысль, что „на будущія времена слова Россъ и спаситель Европы будутъ синонимателъны“. Любопытно при этомъ заявленіе профессора нѣмца и на нѣмецкомъ языкѣ, что русскій народъ—„благородная нація, къ которой мы гордимся быть

сопричислены“. Ораторъ далѣе мотивируетъ свое чувство гордости тѣмъ, что Россія освободительной войной щедро отплатила Западной Европѣ за воспринятое у нея Петромъ Великимъ образованіе. Нужно отдать справедливость старому дерптскому университету; въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей онъ не мало потрудился для научнаго преуспѣянія русскаго народа, раскрывая широко свои двери для такихъ даровитыхъ его сыновъ, какъ Пироговъ и Лунинъ, и выпуская изъ своей научной среды такихъ хорошо подготовленныхъ работниковъ научнаго знанія, какъ Бэръ, Сруве, какъ покойные нынѣ профессора харьковскаго университета В. Лапшинъ, Валицкій, Вагнеръ, Делленъ и Грубе.

И рядовые университетскіе люди въ совокупности составляютъ крупную величину, особенно на протяженіи сотни лѣтъ, въ тысячахъ работниковъ. Какъ бы ни былъ скромный кругъ дѣйствія каждаго изъ нихъ, сумма общихъ усилій составляетъ побѣду знанія, торжество цивилизаціи, зародышъ котораго надо отыскивать въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти знанія приобрѣтены.

Совершенно основательна та точка зрѣнія, которая засчитываетъ заслуги не только за лицами, но и за воспитавшими ихъ учрежденіями.

Если невѣдомый и темный человѣкъ, говоритъ проф. Будановъ, спасенъ отъ смерти врачомъ, то онъ обязанъ жизнью столько же этому врачу, сколько и тому заведенію, которое его приготовило.

Если гнусный порокъ прежнихъ временъ—продажность администраціи и суда—постепенно исчезаютъ, то поставимъ это въ честь и въ славу какъ новыхъ дѣятелей администраціи и суда, такъ и того учрежденія, гдѣ воспитались ихъ нравственные принципы.

Если тысячи людей получили воспитаніе въ гимназіяхъ, то они обязаны умственнымъ возрожденіемъ какъ своимъ учителямъ, такъ и давшимъ ихъ учрежденіямъ.

Нити умственнаго родства передаются слѣдующимъ поколѣніямъ и развѣтвляются въ безконечность, гдѣ не можетъ прослѣдить ихъ никакая статистика.

Дерптскій и вскорѣ за нимъ возникшій харьковскій университеты счастливы тѣмъ, что своими первыми устроителями—ректорами имѣли людей выдающихся дарованій, соединявшихъ въ себѣ доброе сердце съ свѣтлымъ умомъ; для Харькова такимъ кладомъ былъ И. С. Рижскій, рано умершій (1761—1811); для Дерпта гораздо болѣе долголѣтний Георгъ Парротъ (1767,—† 1852), скончавшійся въ глубокой старости, полвѣка спустя послѣ основанія дерптскаго университета.

Георгъ Парротъ родился во Франціи въ Монбельярѣ, образованіе получилъ въ Штуттартѣ. Онъ соединялъ въ своей богато одаренной

отъ природы личности живость французскаго темперамента съ серьезной положительностью нѣмецкаго воспитанія. Въ Лифляндію онъ переселился въ 1795 году въ положеніи домашняго учителя, скоро выдвинулся въ роли секретаря мѣснаго „Общепользнаго Общества“, въ 1801 году получилъ отъ кенигсбергскаго университета ученую степень доктора философіи, переселился въ Дерптъ, открылъ частный курсъ популярной механики, а съ открытіемъ университета получилъ мѣсто профессора физики и ректора. Хотя ректоромъ Парротъ пробылъ всего около трехъ лѣтъ, но его глубокое вліяніе на всѣ дѣла и вопросы университетской жизни фактически не прекращалось до конца его службы въ университетѣ въ 1826 г., когда онъ переселился въ Петербургъ въ положеніи члена академіи наукъ. Историкъ дерптскаго университета проф. Е. В. Пѣтуховъ говоритъ, что огромное значеніе Паррота въ первоначальной жизни университета было обусловлено не только личными его отношеніями къ Государю, но и необыкновенной разносторонностью образованія, опытностью, неисчерпаемой энергіей и непреклонной силой воли.

Сближеніе Паррота съ Императоромъ Александромъ I началось съ 1802 года, со времени его знаменитой рѣчи при проѣздѣ Императора черезъ Дерптъ. Эта блистательная рѣчь на французскомъ языкѣ, характерная для всей той эпохи, кончалась такой торжественной клятвой, отъ имени профессоровъ:

„Dieu suprême! nous jurons en Ta présense, en présense de Ton image chérie, de consacrer nos veilles et nos talents à l'emploi que Tu nous as confié, de travailler avec zèle et fidélité à répandre des lumières utiles. Nous jurons de respecter l'humanité dans toutes les classes et sous toutes les formes; de ne distinguer le pauvre du riche, le faible du puissant, que pour vouer au pauvre et au faible un intérêt plus actif et plus tendre. Nous jurons que chaque action de notre Monarque, chaque bienfait qu'il répandra sur son peuple nous rappellera la sainteté de nos devoirs“.

То есть „Боже всемогущій! передъ твоимъ святымъ образомъ мы обѣщаемъ посвятить всѣ наши усилія и способности на развитіе дарованныхъ намъ Тобой талантовъ и работать для распространенія свѣта полезныхъ знаній. Мы клянемся быть одинаково гуманными къ людямъ безъ различія ихъ сословнаго или общественнаго положенія, во всѣхъ отношеніяхъ, не различая бѣдныхъ отъ богатыхъ, слабыхъ отъ сильныхъ, чтобы и бѣдному, и слабому облегчить тяжесть жизни и сдѣлать ее радостной. Мы даемъ клятву, что каждое изъ тѣхъ благодѣяній, которыя Государь окажетъ своему народу, будетъ лишь утверждать насъ въ сознаніи святости нашего долга“.

Императоръ былъ очень тронутъ, благодарилъ и взялъ себѣ списокъ рѣчи.

Съ этого времени началась знаменитая дружба могущественнаго Монарха съ скромнымъ ученымъ. Баронъ Корфъ такъ говоритъ объ этихъ отношеніяхъ: „Парротъ не только былъ облеченъ правомъ, которымъ и пользовался очень часто, писать къ Государю въ тонѣ не подданнаго, а друга, о всемъ, что хотѣлъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ; не только получалъ самыя задушевные письма, но и при каждомъ своемъ приѣздѣ въ Петербургъ шелъ прямо въ кабинетъ Государя, гдѣ по цѣлымъ часамъ оставался наединѣ съ царственнымъ хозяиномъ. Александръ, со всѣмъ порывомъ сердечной теплоты, искалъ приобрѣсти и упрочить дружбу скромнаго ученаго, перѣдко довѣряя ему свои тайны, государственныя и частныя. Этотъ ученый былъ честный, умный, добросовѣстный, болѣе мечтатель, нежели практикъ, всегда правдивый и прямодушный, съ безкорыстіемъ и смѣлостью человѣка ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое виѣшнее проявленіе милости. Далекій отъ лести, строгій въ своихъ приговорахъ, онъ постепенно присвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора“.

Дружба эта продолжалась до 1812 года, но затѣмъ послѣдовало охлажденіе, въ виду нѣкоторыхъ существенныхъ разногласій. Въ то время какъ Парротъ оставался свободнымъ мыслителемъ и рационалистомъ, Императоръ Александръ сталъ склоняться въ сторону религіозно-мистическаго настроенія. Хорошія отношенія ко Двору Парротъ сохранилъ не только при Императорѣ Александрѣ I, но и при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Если общерусское значеніе этихъ отношеній представляется невыясненнымъ (письма Паррота касались освобожденія крестьянъ, лихоимства и, повидимому, имѣли вліяніе), то значеніе мѣстное было весьма благотворно въ смыслѣ огражденія университетской свободы и предоставленія университету разныхъ льготъ.

Парротъ былъ чуть ли не самой крупной величиной въ первыя десятилѣтія дерптскаго университета. Онъ оставилъ болѣе 80 ученыхъ работъ по физикѣ, medicinѣ, химіи и метеорологіи, не считая множества журнальныхъ и популярныхъ статей.

Жизненная обстановка Паррота была очень скромная. В. А. Жуковскій въ 1817 г. хлопоталъ передъ своими богатыми и вліятельными друзьями о пособіи Парроту. „Парротъ, лучший изъ профессоровъ дерптскаго университета, писалъ Жуковскій А. Тургеневу, долженъ будетъ, чтобы избѣжать долговъ, продать свои домишки и искать учительскаго мѣста, т. е. послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую пору жизни, въ

которой надобно было бы спокойно наслаждаться плодами этих трудов, онъ принужденъ будетъ остаться съ бѣдностью, съ разрушенными надеждами. Это сжимаетъ мнѣ сердце... Однимъ словомъ, заканчиваетъ Жуковский письмо, какъ вы хотите, а профессорамъ суммы не давайте...“ Изъ другого письма Жуковского видно, что со стороны его друзей Парроту было оказано какое то содѣйствіе.

Въ теченіе столѣтія ректорами Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго университета были:

- 1802—1803 Г. Парротъ.
- 1803—1804 Балкъ.
- 1804—1805 Каспари.
- 1805—1806 Г. Парротъ (снова).
- 1806—1808 Мейеръ.
- 1808—1810 Дейтшъ,
- 1810—1812 Гриндель.
- 1812—1813 Г. Парротъ (снова).
- 1813—1814 Стиксъ.
- 1814—1816 Рамбахъ.
- 1816—1817 Штольцеръ.
- 1817—1818 Гизе.
- 1818—1830 Эверсъ.
- 1831—1834 Фр. Парротъ.
- 1834—1836 Мойеръ.
- 1836—1839 Нейе.
- 1839—1842 Ульманъ.
- 1842— Фолькманъ.
- 1842—1851 Нейе.
- 1851—1858 Гаффнеръ.
- 1858—1865 Биддеръ.
- 1865—1868 Самсонъ.
- 1868—1876 Этингенъ.
- 1876—1881 Мейковъ.
- 1881—1885 фонъ Валь.
- 1885—1890 Ал. Шмидтъ.
- 1890—1892 Мейковъ.
- 1892—1901 А. С. Будиловичъ.
- 1901— А. Н. Филипповъ.

Такимъ образомъ изъ 26 именъ лишь два русскихъ.

Видную и своеобразную фигуру въ первое время существованія дерптскаго университета представлялъ проф. богословія *Лоренцъ Эверсъ*,

до вступленія на университетскую кафедру бывший долгое время въ Дерптѣ учителемъ. Не имѣя семьи и ограниченный въ своихъ личныхъ потребностяхъ, онъ, не разбирая случаевъ, дѣлалъ добро кому придется, въ той или иной формѣ, изъ непосредственного чувства христіанскаго состраданія. Патріархъ среди профессорскаго круга по своимъ лѣтамъ, Эверсъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. В. А. Жуковский, лично его знавшій, въ одномъ письмѣ къ А. Тургеневу называетъ его святымъ. Въ жизни университета наряду съ научными большое значеніе имѣютъ и личные нравственные достоинства, потому что достоинствами послѣдняго рода поддерживается и скрѣпляется достоинство внутреннихъ отношеній, влияющихъ на формированіе міросозерцанія и нравственнаго характера молодыхъ поколѣній.

Въ научномъ отношеніи болѣе сильной личностью представляется однофамилецъ Лоренца Эверса—историкъ и правовѣдъ *Густавъ Эверсъ*, 12 лѣтъ бывший ректоромъ, при ежегодномъ избраніи. Въ своихъ трудахъ онъ трактуетъ объ историческомъ процессѣ съ точки зрѣнія внутренняго развитія, что было для его времени большой научной заслугой. Въ исторіи русскаго права Густавъ Эверсъ считается основателемъ теоріи родового быта. Дальнѣйшее развитіе теоріи родового быта получила въ трудахъ Соловьева и Кавелина. Хотя эта теорія послѣдующими изученіями была устранена, но она сыграла громадную роль въ русской исторіографіи, какъ первая научно обоснованная попытка осмыслить русскую исторію. Въ этомъ смыслѣ сочиненіе Эверса „*Das älteste Recht der Russen*“ имѣетъ важное историческое значеніе.

Изъ первыхъ по времени дерптскихъ профессоровъ выдѣлялись Моргенштернъ, Бурдахъ и Мойеръ.

Моргенштернъ—живая, впечатлительная натура, человекъ съ солидной научной подготовкой, былъ профессоромъ классической филологіи и эстетики. Онъ энергично работалъ, какъ преподаватель, бібліотекаръ, основатель и директоръ музея искусствъ. Онъ вносилъ въ преподаваніе широту воззрѣній и, такъ сказать, художественное настроеніе, которое содѣйствовало развитію научныхъ интересовъ.

Бурдахъ, анатомъ и фізіологъ, отличался широкимъ образованіемъ и живой любовью къ наукѣ. Не ограничиваясь университетскими лекціями, онъ основалъ въ 1811 г. первое медицинское ученое общество, но, по оплошности, не испросивъ ни у кого разрѣшенія и, къ его великому огорченію, обстоятельство это оказалось пагубнымъ для его дорогого дѣтища.

Мойеръ—знаменитый въ свое время хирургъ—хорошо извѣстенъ въ русской литературѣ по біографіямъ Жуковскаго и Широкова. Жуковский былъ его другомъ, Широковъ—ученикомъ. Широкая образован-

ность, прямодушіе и музыкальныя дарованія открывали ему просторъ для вліянія и внѣ университета.

Самымъ знаменитымъ питомцемъ дерптскаго университета перваго періода его существованія—является славный естествоиспытатель *Бэръ* (1792, † въ Дерптѣ 1876). Онъ изучалъ въ дерптскомъ университетѣ медицину (1810—1814). Въ положеніи члена Императорской академіи наукъ *Бэръ* предпринялъ нѣсколько путешествій для изслѣдованія Россіи и представилъ обширныя и цѣнныя изслѣдованія о рыболовствѣ на берегахъ Балтійскаго и Каспійскаго морей. При большой философской глубинѣ сочиненія *Бэра* отличаются ясностью и точностью изложенія. Онъ занимался преимущественно эмбриологіей. Эта наука обязана *Бэру* главными своими основаніями. Его „*Entwicklungsgeschichte der Thiere*“ въ 2 т. (1828—1837 г.) сочиненіе—составляющее эпоху въ эмбриологіи. Съ именемъ *Бэра* въ зоологіи связанъ такъ называемый „Законъ *Бэра*“, объясняющій, почему въ нашихъ рѣкахъ правый берегъ бываетъ высокій, а лѣвый низменный, почему рѣки, очевидно, стремятся отъ лѣваго берега къ правому. *Бэръ* въ русскомъ изданіи „Морскомъ Сборникѣ“ 1858 г. объяснилъ это природное явленіе совокупной дѣятельностью вращенія земли и движенія воды въ рѣкахъ меридіональнаго или близкаго къ нему направленія. Законъ *Бэра* оказался примѣнимъ къ морскимъ теченіямъ и проливамъ.

Одновременно съ *Бэромъ* въ дерптскомъ университетѣ учился *Струве*—громкое имя въ астрономіи, глава цѣлой семьи ученыхъ астрономовъ широкой европейской извѣстности. Подобно *Бэру*, это былъ типичный для многихъ лучшихъ дерптскихъ профессоровъ нѣмецко-русскій ученый, Friedrich Georg Wilhelm Struve, равно и нераздѣльно *Василій Яковлевичъ Струве*. Приглашенный на мѣсто директора пулковской обсерваторіи, онъ поднялъ ее на такую научную высоту, что эта обсерваторія получила славу „астрономической столицы земного шара“. Знаменитѣйшія его работы посвящены измѣренію двойныхъ звѣздъ (*mensurae micrometricae*, 1837 г.) и градуснымъ измѣреніямъ (*Arc du meridien...* 1857). Практическое значеніе научной дѣятельности *Струве* также весьма велико. Пулковская обсерваторія надолго стала центромъ дѣятельности русскихъ геодезистовъ. Здѣсь они получали образованіе; здѣсь снаряжались всѣ географическія и геодезическія экспедиціи; здѣсь же производилась обработка ихъ результатовъ.

Одновременно въ дерптскомъ университетѣ получили превосходную медицинскую подготовку два весьма видныхъ въ лѣтописяхъ русской медицинской науки практическихъ врачей—*Пироговъ* и *Иноземцевъ*, оба занимавшіеся хирургіей, подъ руководствомъ *Мойера*.

Заслуги *Н. И. Пирогова*, какъ ученаго врача, оператора и педагога, такъ велики и общеизвѣстны, что нѣтъ надобности о нихъ здѣсь распространяться. По отзыву специалистовъ, Пироговъ одинъ изъ величайшихъ врачей и педагоговъ XIX ст. и по сіе время самый выдающійся авторитетъ по военно-полевой хирургіи. И тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности дерптскій университетъ, гдѣ онъ учился, гдѣ, по предложенію своего учителя-профессора Мойера, онъ въ 1836 г. впервые занялъ кафедру хирургіи, завѣдывалъ клиниками, издавалъ изслѣдованія на нѣмецкомъ языкѣ и былъ однимъ изъ любимѣйшихъ профессоровъ.

Что Пироговъ вынесъ изъ Дерптскаго университета не только научныя свѣдѣнія, но и нѣкоторыя соціальныя убѣжденія, можно убѣдиться на основаніи собственныхъ его показаній. Такъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій Пироговъ говоритъ: „Корпоративное устройство студенчества — важное дѣло въ отношеніи порядка и благочинія. Въ этомъ я достаточно убѣдился въ бытность мою въ Дерптѣ учащимся и профессоромъ. Съ неорганизованною, безпорядочною и разношерстной толпою молодыхъ людей ничего ни подѣлаешь. По моему, просто безуміе со стороны начальниковъ разглагольствовать съ собравшеюся толпою студентовъ. Это значитъ вести себя и молодежь въ бѣду безъ всякой пользы для общаго дѣла. Учрежденіе корпорацій въ нашихъ русскихъ университетахъ по образу дерптскаго, конечно, немыслимо. Въ Дерптѣ, какъ и въ германскихъ университетахъ, корпоративное дѣло есть дѣло традиціонное. А у насъ нѣтъ для него почвы. Но тѣмъ не менѣе, пока не придумаютъ въ нашихъ университетахъ учредить тѣмъ или другимъ способомъ студенческаго представительства, правильно организованнаго, пусть университетское начальство не рассчитываетъ на свое вліяніе и воздѣйствіе на учащуюся молодежь. Тогда ничего не остается иного, какъ начальство университета; профессора, ректоры — сами по себѣ, а студенты — сами по себѣ, а для порядка и благочинія — городская полиція. Это неминуемо. Но нравственно — научное значеніе университета многое утратить“. Слова эти оказались пророческими, и нашли себѣ полное подтвержденіе.

Не малой извѣстностью пользовался товарищъ Пирогова по Дерпту, прошедшій передъ тѣмъ два факультета харьковскаго университета, профессоръ хирургіи въ московскомъ университетѣ *Θ. И. Иноземцевъ*, который получилъ свое научное крещеніе въ Дерптѣ подъ руководствомъ Мойера, въ Дерптѣ получилъ ученую степень доктора, и впоследствии въ Москвѣ былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ врачей и любимыхъ практиковъ, былъ первымъ предсѣдателемъ общества врачей, издавалъ медицинскую газету.

Глубокое научное влияние дерптскаго университета въ 20-хъ годахъ было обусловлено, между прочимъ, однимъ важнымъ обстоятельствомъ—учрежденіемъ въ 1822 г. при дерптскомъ университетѣ „Профессорскаго института“ на двадцать „природныхъ росіяня“ для замѣщенія профессорскихъ кафедръ въ 4 тогдашнихъ университетахъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ этомъ институтѣ на первыхъ же порахъ его существованія явились такіе даровитые „природные росіяне“, какъ Пироговъ, Иноземцевъ, Рѣдкинъ.

Замѣчательно, что и *П. Г. Рѣдкинъ*, бывший впоследствии профессоромъ философіи права въ московскомъ и петербургскомъ университетахъ и членомъ Государственнаго Совѣта († 1891), обнаружилъ такую же разносторонность научныхъ интересовъ и стремленіе поставить науку въ живое соприкосновеніе съ современностью. Подобно Пирогову, Рѣдкинъ живо интересовался вопросами воспитанія и написалъ нѣсколько педагогическихъ статей. Подобно Иноземцеву, онъ принялся за популяризацию науки путемъ печати и, въ бытность свою профессоромъ въ Москвѣ, издавалъ въ 1841 г. „Юридическія записки“, а въ 1843 г. „Библіотеку для воспитанія“.

Съ именемъ дерптскаго „Профессорскаго института“ тѣсно связаны имена двухъ выдающихся харьковскихъ профессоровъ—Лунина и Валицкаго. Оба были въ Профессорскомъ институтѣ, оба окончили курсъ въ 1832 г. со степенью доктора по философскому факультету. Валицкій былъ изъ питомцевъ Виленскаго университета, а Лунинъ—изъ Дерптскаго. Впоследствии Валицкій († 1858) былъ выдающимся профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ греческой словесности, а Лунинъ († 1844) по кафедрѣ всеобщей исторіи.

И въ новое время дерптскій университетъ обладалъ крупными научными силами. Такъ, тутъ учился и былъ профессоромъ знаменитый современный хирургъ и клиницистъ, профессоръ берлинскаго университета Бергманъ. Здѣсь получилъ образованіе Кейслеръ, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей русской земельной общины. Здѣсь занималъ профессорскую кафедру въ 80-хъ годахъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ лингвистовъ Бодуэнъ де Куртене, извѣстный русскій историкъ Брикнеръ и мн. др.

Въ настоящее время въ Юрьевскомъ университетѣ работаетъ уже много русскихъ профессоровъ—А. Н. Филиповъ, ректоръ, бывший недавно въ Харьковѣ предсѣдателемъ юридической государственной испытательной комиссіи, М. А. Дьяконовъ (авторъ сочувственныхъ некрологовъ о харьковскихъ профессорахъ И. И. Дитятинѣ и И. М. Собоствіанскомъ), Е. В. Пѣтуховъ—авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдо-

звѣстны по исторіи русской литературы, Е. Ф. Шмурло—извѣстный русскій историкъ, В. Э. Грабарь, Д. Кудрявскій, А. Н. Ясинскій, А. Н. Ардашовъ, А. Н. Миклашевскій, Г. В. Левицкій—бывшій въ Харьковѣ проф. по кафедрѣ астрономіи и др.

Въ университетѣ лишь въ послѣдніе годы возобладалъ въ преподаваніи русскій языкъ и чрезвычайно возросло число русскихъ студентовъ. Ранѣе университетъ этотъ обслуживалъ почти исключительно Остзейскій край, т. е. три губерніи—Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую, состоялъ почти исключительно изъ мѣстныхъ уроженцевъ и удовлетворялъ, главнымъ образомъ, мѣстныя культурныя нужды; потому и теперь на посткартахъ красуются часто рисунки стараго Дерпта, съ надписью: „von der guten alten Stadt Dorpat“... Симпатичная и поучительная черта питомцевъ юрьевского университета—глубокая признанность къ своей almae matris. Въ университетскіе праздники получаютъ цѣлые вороха привѣтствій со всѣхъ концовъ культурнаго міра, отъ старыхъ и молодыхъ воспитанниковъ университета, причемъ русскіе люди не отстаютъ отъ своихъ нѣмецкихъ сотоварищей.

Университетъ расположенъ въ центрѣ городка, у подножія открытаго превосходнаго тѣнистаго парка. Зданіе небольшое, съ наружной стороны красивое и чистенькое, внутри сумрачное, тѣсное и грязное. Борридоры узкіе, темные и холодные; аудиторіи маленькія, съ низкими потолками, ничуть не лучше харьковскихъ второстепенныхъ городскихъ училищъ, съ такими же двумѣстными скамьями, какъ въ городскихъ училищахъ. Верхняя одежда размѣщается тутъ же, въ аудиторіяхъ на стѣнкахъ. Небольшой торжественный залъ, маленькая православная церковь (при 1025 православныхъ студентахъ) и сравнительно большая новая и свѣтлая лютеранская церковь (при 374 студентахъ лютеранскаго вѣроисповѣданія).

Въ паркѣ стоитъ въ видѣ живописной развалины колоссальный католическій монастырь XV вѣка, нынѣ безъ оконъ, безъ крыши; но стѣны и боковыя опоры еще цѣлы. Какъ великъ и грандіозенъ этотъ обломокъ далекой старины, можно судить по тому, что въ одномъ лишь алтарѣ помѣщается (съ 1806 г.) университетская бібліотека, имѣющая нынѣ свыше трехсотъ тысячъ томовъ. Какъ велики окна монастыря, видно изъ того, что окно приходится на два этажа (всѣхъ этажей пять). Бібліотека, однако, переросла свое археологическое помѣщеніе, и нынѣ страдаетъ отъ тѣсноты; мѣстами книги размѣщены крайне компактно и въ такихъ темныхъ углахъ, что нельзя разсмотрѣть № на переплетныхъ корешкахъ.

Тутъ же въ паркѣ разбросаны разныя клиники небольшого размѣра, совсѣмъ крошечныя, сравнительно съ харьковскими; тутъ же въ сторонѣ возвышается невысокая бѣлая обсерваторія—мѣсто знаменитыхъ научныхъ подвиговъ Струве.

Въ томъ же паркѣ вблизи библіотеки, среди вѣчно зеленыхъ елей стоитъ памятникъ славному въ лѣтописяхъ русской науки Бэру, небольшой, но вполне художественный по замыслу и исполненію.

За памятникомъ идетъ спускъ, къ большой четырехугольной площадкѣ, гдѣ въ старое время мѣстное студенчество устраивало общія пирушки, гдѣ, по всей вѣроятности, и Жуковскій нѣкогда распивалъ свои дружескія брудершафты съ мѣстными профессорами.

Кстати, о Жуковскомъ. Имя его тѣсно связано съ Дерптомъ. Здѣсь онъ часто бывалъ, здѣсь имъ написано много стихотвореній, здѣсь скончалась дорогая для него и воспѣтая имъ Марья Андреевна Мойеръ, надъ могилой которой онъ поставилъ памятникъ, сохранившійся до настоящаго времени. Въ прошломъ году одна изъ улицъ Юрьева была названа именемъ Жуковского и прибита доска на томъ домѣ, гдѣ онъ останавливался, когда везъ больного Батюшкова за границу для лѣченія.

Мѣстный ученый міръ занятъ былъ въ послѣднее время юбилейнымъ праздникомъ, выработкой проекта инструкции для кураторовъ и обсужденіемъ проекта 20% прибавки къ жалованью, и по всѣмъ этимъ пунктамъ состоялись рѣшенія, на мой взглядъ, вполне целесообразныя, и безъ большихъ хлопотъ.

Относительно кураторовъ составленъ проектъ весьма широкаго характера, который при осуществленіи не можетъ возлагать какія либо неисполнимыя обязанности ни на профессоровъ, ни на студентовъ, открывая, однако, для тѣхъ и другихъ возможность широкаго общенія на почвѣ взаимнаго довѣрія.

По вопросу о 20% прибавкѣ принята во вниманіе существующая система гонорара, и прибавка эта такъ разверстана, что почти совсѣмъ устранено гонорарное различіе профессорскаго вознагражденія, при чемъ эта 20% прибавка весьма основательно проектирована въ видѣ единовременной мѣры въ связи съ гонораромъ, а не жалованьемъ.

И съ трудной юбилейной задачей университетъ справился удачно, причемъ современные его представители изъ русскихъ ученыхъ сдѣлали въ этомъ отношеніи такіе крупныя вклады, которые во всякомъ истинно образованномъ русскомъ человѣкѣ могутъ вызывать лишь чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія.

Къ юбилею университетомъ изданы двѣ крупныхъ и цѣнныхъ работы—первый томъ исторіи юрьевского, бывшаго дерптскаго, универ-

ситета, обнимающій періодъ времени съ 1802 по 1865 г., составленный профессоромъ Е. В. Пѣтуховымъ, и первый томъ біографическаго словаря за все столѣтіе, составленный подъ редакціей бывшаго харьковскаго, нынѣ юрьевскаго профессора Г. В. Левицкаго, обнимающій біографіи профессоровъ богословскаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ. Каждый томъ свыше 600 стр. Кромѣ того, профессоръ Пѣтуховъ издалъ статистическія таблицы и личные списки, ярко обрисовывающіе главные перемены въ строѣ университета.

Одновременно на окнахъ книжныхъ магазиновъ появилось нѣсколько изслѣдованій о дерптскомъ университетѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, пріятно отмѣтить, что главные труды принадлежатъ двумъ мѣстнымъ русскимъ ученымъ и занимаютъ крупное мѣсто, особенно трудъ проф. Е. В. Пѣтухова, какъ вполне самостоятельное изслѣдованіе, составленное въ значительной степени по первоисточникамъ и заключающее въ себѣ новые, до сихъ поръ неизданные матеріалы, напримѣръ, уставъ корпорацій. Такой трудъ имѣетъ значеніе не только въ приложеніи къ юрьевскому университету, но и для другихъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ особенности для харьковскаго университета, стоящаго наканунѣ собственнаго столѣтняго юбилея и только что приступившаго къ подготовкѣ соответствующихъ изданій.

Безспорно, что харьковскія изданія этого рода могутъ представлять болѣшій общественный интересъ, чѣмъ юрьевскія, потому что харьковский университетъ въ болѣшей степени служилъ всей Россіи, чѣмъ университетъ юрьевскій, и въ болѣшей степени переживалъ разныя теченія. Дерптскій университетъ въ теченіе долгаго времени стоялъ обособленно и обслуживалъ лишь мѣстное остзейское населеніе, почти исключительно нѣмецкое. И теперь въ мѣстной юрьевской печати (одна нѣмецкая газета, двѣ эстонскія и ни одной русской), въ статьяхъ, посвященныхъ университету, *das Reich* упоминается лишь вкратцѣ и мимоходомъ, а три остзейскія губерніи „*insbesondere*“, т. е. съ подчеркиваніемъ. Понятно, что и для русскихъ ученыхъ составленіе, напримѣръ, біографическаго словаря профессоровъ харьковскаго университета можетъ быть гораздо пріятнѣе, чѣмъ пересмотръ нѣмецкихъ біографій дерптскихъ профессоровъ, и тѣмъ большая ихъ заслуга, что этотъ тяжелый трудъ выполненъ съ полнотой, объективностью, любовью къ учрежденію, къ наукѣ и ея дѣятелямъ безъ различія національностей или вѣроисповѣданій.

Не касаясь здѣсь содержанія трудовъ г. Пѣтухова и г. Левицкаго, какъ слишкомъ специальныхъ, мы остановимся въ двухъ—трехъ словахъ лишь на нѣкоторыхъ данныхъ „Статистическихъ таблицъ“, представляющихъ общій интересъ.

Оказывается, что въ первый годъ своего существованія юрьевскій университетъ имѣлъ всего 46 студентовъ, черезъ полвѣка 676, нынѣ 1876. Въ первый годъ всѣ слушатели были изъ Остзейскаго края, не считая 5 иностранцевъ; ни одного русскаго. Съ теченіемъ времени стали приливать студенты изъ внутреннихъ губерній Россіи, но въ небольшомъ числѣ, напр., въ 1852 г. всего было 238, т. е. $\frac{1}{3}$ общаго числа, и притомъ многіе изъ этого числа были также нѣмецкаго происхожденія и лютеранскаго вѣроисповѣданія. Собственно православныхъ въ 1878 году было всего 59 чел. (на 709 лютеранъ), 1891 г.—94 чел. (на 1,050 лютеранъ), но съ 1897 года, съ допущеніемъ семинаристовъ, составъ слушателей чрезвычайно быстро измѣнился, въ смыслѣ громаднаго роста русскихъ, чему, разумѣется, нужно только радоваться, и замѣтной убыли мѣстнаго элемента, о чемъ приходится, наоборотъ, пожалѣть, такъ какъ интересы науки и образованія должны въ извѣстномъ возрастѣ стоять выше какихъ-либо другихъ соображеній и соотношеній. За послѣднее пятилѣтіе получились такія цифры:

Г о д ы:	Правосл.	Лютер.
1895	91	565
1896	138	466
1897	282	419
1898	557	398
1899	715	360
1900	958	362
1901	1025	374

Дѣсять лѣтъ назадъ изъ гимназій поступило 1272, изъ другихъ учебныхъ заведеній 215 и ни одного семинариста; въ прошломъ году изъ гимназій всего 499, изъ семинарій 864 и другихъ учебныхъ заведеній 217.

Въ виду, очевидно, огромнаго роста русской учащейся молодежи, весьма желательно, чтобы ей оказываема была помощь и поддержка, напр., въ видѣ стипендій, чтобы она могла держаться рядомъ съ сравнительно богатой и хорошо обставленной нѣмецкой учащейся молодежью, имѣющей свои корпоративные дома, свои капиталы. Для многихъ, если не для большинства, русскихъ единственной опорой служатъ сельскіе батюшки и матушки, далекій и бѣдный православный церковный приходъ. Мѣстное Общество пособія нуждающимся студентамъ ограничивается небольшимъ контингентомъ русскаго населенія; нѣмецкое большинство стоитъ отъ него въ сторонѣ; у этого большинства имѣются весьма благоустроенные благотворительные кружки, строго ограни-

зающие свою дѣятельность исключительно національными и вѣроисповѣдными предѣлами, совершенно закрытыми для православныхъ русскихъ людей. Затѣмъ въ мѣстномъ нѣмецкомъ обществѣ господствуетъ чисто германскій взглядъ, что студентъ не можетъ и не долженъ быть бѣднымъ, взглядъ вполне естественный для богатаго нѣмецкаго студенчества и ни мало не отвѣчающій русской студенческой дѣйствительности.

Изъ краткаго академическаго отчета, прочитаннаго ректоромъ А. Н. Филипповымъ на второй день юбилейнаго праздника (13 декабря) видно, что въ Юрьевскомъ университетѣ къ 1 декабря 1902 г. всѣхъ студентовъ къ 1-му декабря числилось 1,676 человекъ: 135—на богословскомъ, 444—на юридическомъ, 603—на медицинскомъ, 138—на историко-филологическомъ и 254—на физико-математическомъ факультетахъ; кромѣ того, 108 слушателей фармаціи, 13 постороннихъ слушателей и 3 слушателей на правахъ студентовъ. Профессоровъ и приватъ-доцентовъ въ университетѣ—73 человекъ и 3 лектора по языкамъ (эстскому, латышскому и французскому).

Нужно только удивляться, какъ помѣщается такое большое число студентовъ въ маленькихъ аудиторіяхъ.

Празднованіе юбилея прошло по такой программѣ, напечатанной на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

П Р О Г Р А М М А

празднованія столѣтняго юбилея Императорскаго Юрьевскаго Дерптскаго
Университета

1902 г.

11 декабря, въ 6 часовъ вечера—всенощное бдѣніе въ православной
университетской церкви.

„ въ 9 часовъ вечера—собраніе въ залѣ Бюргермуссе.

12 декабря, въ 9 час. утра—литургія и молебенъ въ православной
университетской церкви.

„ въ 11 час. утра—богослуженіе въ лютеранской универси-
тетской церкви.

„ въ 12 час. дня—чай и завтракъ.

„ въ 1 час. дня—торжественное собраніе въ актовомъ залѣ
университета.

„ въ 7 час. вечера—обѣдъ отъ университета въ залѣ Бюргермуссе.

13 декабря, въ 1 час. дня—торжественное собраніе въ актовомъ залѣ
университета.

P R O G R A M M E

du jubilé Centenaire de l'Université Imperiale de Jourieff (ci-devant Dorpat)
1902.

- 11 Décembre, 6 h. du soir—Célébration des vêpres à l'église orthodoxe de l'Université.
" 9 h. du soir—Réunion amicale dans la salle du club „Bürgermusse“.
12 Décembre, 9 h. du matin—Liturgie et Te Deum à l'église orthodoxe de l'Université.
" 11 h. du matin — Service à l'église luthérienne de l'Université.
" Midi—Déjeuner à la fourchette.
" 1 h. après midi—Acte solennel dans la grande salle de l'Université.
" 7 h. du soir—Banquet offert par l'Université dans la salle du club „Bürgermusse“.
13 Décembre, 1 h. après midi—Acte solennel dans la grande salle de l'Université.

P R O G R A M M

der Centenarfeier der Kaiserlichen Universität Jurieff (ehemals Dorpat)
1902.

11. December, 6 Uhr Abends — Vespertgottesdienst in der griechisch-orthodoxen Universitätskirche.
" 9 Uhr Abends — Zwanglose Zusammenkunft in der „Bürgermusse“.
12. December, 9 Uhr Vormittags—Liturgie und Dankgottesdienst in der griechisch-orthodoxen Universitätskirche.
" 11 Uhr Vormittags—Festgottesdienst in der evangelisch-lutherischen Universitätskirche.
" 12 Uhr Mittags—Frühstück.
" 1 Uhr Mittags—Festaktus in der Aula der Universität.
" 7 Uhr Abends—Diner, gegeben von der Universität im Saale der „Bürgermusse“.
13. December, 1 Uhr Mittags—Festaktus in der Aula der Universität.

Уже эта программа указывает на стремление университетскаго начальства установить требуемый современными интересами и обстоятельствами юбилейный распорядокъ, чтобы на первомъ мѣстѣ стоялъ русскій языкъ, а нѣмецкій отвѣчалъ дѣйствительному современному положенію

Древскаго университета. Эта тенденція проходила красной нитью черезъ весь юбилейный праздникъ и выдержана была довольно удачно, безъ пересоловъ съ одной стороны и безъ демонстраціи съ противоположной.

Богослуженіе совершалъ Рижскій архіепископъ Агавангель съ десятью священниками, изъ коихъ одинъ сказалъ проповѣдь объ отношеніи религіи и науки, не совѣмъ отвѣчавшую академической обстановкѣ. Одновременно въ лютеранской церкви пасторъ Ганъ говорилъ проповѣдь на текстъ изъ пр. Исаи гл. 43, ст. 16—21, съ призывомъ не жить только воспоминаніями о дорогомъ прошломъ, но съ твердой вѣрой въ Бога работать для будущаго. Первая проповѣдь носила общій характеръ нерасположенія къ свободному научному мышленію; вторая въ осторожной и прикровенной формѣ служила мѣстнымъ симпатіямъ.

Послѣ небольшого завтрака въ небольшой и тѣсной комнатѣ, многочисленные гости напомнили торжественный залъ. На эстрадѣ въ одну сторону, вправо отъ кафедры помѣстились за большимъ столомъ попечитель рижскаго учебнаго округа, П. О. Извольскій, ректоръ университета и профессора, а съ другой стороны, слѣва отъ кафедры около 70 депутатовъ отъ разныхъ ученыхъ и учебныхъ учреждений. Въ партерѣ масса публики; на хорахъ, идущихъ вокругъ всей залы—студенты.

Университетское торжество шло въ такомъ порядкѣ: попечитель округа П. О. Извольскій прочиталъ Высочайшую грамоту, утверждающую русскій языкъ соотвѣтственно съ настоящими потребностями университета. Музыка исполнила вслѣдъ затѣмъ народный гимнъ. Далѣе послѣдовало чтеніе многочисленныхъ адресовъ—архіепископомъ Агавангеломъ отъ имени рижской епархіи, попечителемъ округа отъ имени Министра Народнаго Просвѣщенія и его товарища, депутатами отъ академіи наукъ, русскихъ университетовъ по возрасту ихъ, т. е. московскаго, казанскаго, харьковскаго и др., институтовъ горнаго, агрономическаго, путей сообщенія и др., многихъ ученыхъ обществъ, мѣстныхъ и городовыхъ, мѣстныхъ среднеучебныхъ заведеній. Хотя чтеніе адресовъ заняло около четырехъ часовъ, но не исчерпало всего ихъ количества. Самыми видными моментами были, во первыхъ, торжественная овація присутствовавшему Менделѣву, послѣ его краткаго слова за процвѣтаніе свободы науки. Всѣ депутаты и публика поднялись съ своихъ мѣстъ, при громѣ аплодисментовъ и звукахъ музыки—въ честь института русскаго ученаго. Затѣмъ взрывъ аплодисментовъ вызвало провозглашеніе гр. Л. Н. Толстого въ почетные члены университета. Это было по истинѣ достойное торжество русской науки и русской литературы, въ ея лучшихъ представителяхъ. Изъ адресовъ, прочитанныхъ

12 декабря, по разработкѣ, выдавались адреса Общества кievскихъ врачей и петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Въ числѣ ораторовъ особенное вниманіе привлекъ прекрасно владѣющій русскимъ языкомъ проф. Буайе—депутатъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія и французскихъ университетовъ.

13 декабря состоялось второе торжественное засѣданіе, посвященное чествованію университета. Послѣ гимна „Боже, царя храни“ началось чтеніе адресовъ и телеграммъ, которые не могли быть прочитаны на первомъ засѣданіи. Такъ какъ, однако, такихъ привѣтствій университетомъ было получено нѣсколько сотенъ, то изъ нихъ по необходимости пришлось ограничиться прочтеніемъ только нѣсколькихъ десятковъ. Между прочимъ, сообщены были телеграммы отъ „старого студента“ П. Д. Боборыкина, отъ М. М. Ковалевскаго (изъ Парижа); эти имена были встрѣчены громомъ аплодисментовъ. Шумными одобреніями сопровождалось привѣтствіе, на малорусскомъ языкѣ, отъ „Украиньскаго русскаго науковаго общества имени Т. Г. Шевченка“. Опубликованы телеграммы отъ министерствъ юстиціи и путей сообщенія, отъ Высочайше утвержденной комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній, отъ редакцій нѣкоторыхъ изъ прибалтійскихъ газетъ и спб. „Herold“, отъ многихъ высшихъ столичныхъ и провинціальныхъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, немало телеграммъ получено изъ Старога и Новаго Свѣта: отъ академіи наукъ въ Римѣ, отъ университетовъ и ученыхъ обществъ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Бельгіи, изъ Америки и Константинополя. Бѣлградская высшая школа и чешскій музей въ Прагѣ также прислали свои поздравленія.

По окончаніи чтенія привѣтствій, проф. Е. В. Пѣтуховъ прочиталъ „Краткій историческій обзоръ жизни дерптскаго (теперь юрьевскаго) университета“ за столѣтнее его существованіе. Соотвѣтственно различнымъ уставамъ 1799, 1820 и 1865 гг., вводившимся въ университетъ, профессоръ различаетъ три періода въ его жизни: первые два— время широкой университетской автономіи, господства выборнаго начала, профессорскаго суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ, время расцвѣта университета, когда въ немъ „жизнь была ключемъ“. Этотъ-то расцвѣтъ продолжался и въ первой половинѣ третьяго періода—съ 1865 до 1880 гг. Съ конца же 80-хъ годовъ, когда въ Прибалтійскомъ краѣ начались коренныя реформы, затронувшія самыя важныя стороны и университетскаго быта, внутренній строй и распорядокъ академической жизни быстро измѣняется. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при увеличившемся количествѣ новыхъ кафедръ и при возникшей потребности въ разнаго рода вспомогательныхъ учрежденіяхъ, университетъ сталъ испытывать крайнія матеріальныя

университетскій продолжала ассигноваться та же сумма, какая ассигновывалась нѣсколько десятковъ лѣтъ тому. Профессоръ закончилъ выраженіемъ надежды, что всѣ эти стороны "не будутъ долго продолжаться, и вопросъ объ устраненіи ихъ является лишь дѣломъ времени. Свой очеркъ лекторъ закончилъ замѣчаніемъ, что на устраненіе этихъ печальныхъ явленій въ университетѣ можно возлагать надежды, не только въ виду культурныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ университетомъ, но и въ виду его недавняго прошлаго. Недавно университеты высказались предъ высшими органами власти относительно вопросовъ, затрогивающихъ всѣ стороны университетскаго быта, — и теперь они съ нетерпѣніемъ ждутъ отъ высшей власти окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, — разрѣшенія, отъ котораго зависитъ дальнѣйшее существованіе университетовъ. Можно надѣяться, что разрѣшеніе это послѣдуетъ въ благопріятномъ смыслѣ, соответствующемъ лучшимъ ожиданіямъ всѣхъ друзей народнаго образованія..." Профессоръ закончилъ свое чтеніе при шумныхъ и продолжительныхъ аплодисментахъ аудиторіи.

Послѣ профессора Пѣтухова магистръ богословія профессоръ І. Х. Берстенъ въ краткихъ чертахъ представилъ исторію богословскаго факультета юрьевскаго университета за минувшее столѣтіе.

12 декабря были возведены имена ученыхъ, избранныхъ Совѣтомъ въ почетные члены юрьевскаго университета, а 13 дек. списокъ студентовъ, удостоенныхъ въ текущемъ году золотыхъ и серебряныхъ медалей за сочиненія на предложенныя университетомъ темы.

Въ виду того, что въ близкомъ будущемъ, вѣроятно, и харьковскому университету придется значительно расширить списокъ своихъ почетныхъ членовъ, предлагаемъ здѣсь списокъ юрьевскихъ избраній:

Въ почетные члены избраны: 1) проф. берлин. универ. Адольфъ Вагнеръ, 2) проф. петерб. ун. М. И. Горчаковъ, 3) проф. берлин. ун. Дерабургъ, 4) М. М. Ковалевскій, 5) проф. берл. ун. Листъ, 6) В. И. Сергѣевичъ, 7) Н. С. Таганцевъ, 8) Б. Н. Чичеринъ, 9) б. проф. юрьевскаго ун. Энгельманъ, 10) акад. В. М. Бехтеровъ, 11) Д. И. Менделѣвъ, 12) проф. казан. ун. И. М. Догель, 13) И. И. Мечниковъ, 14) акад. В. Овсянниковъ, 15) проф. воен.-мед. акад. Павловъ, 16) б. проф. ун. И. М. Сѣменовъ, 17) проф. тюбинг. ун. Баумгартенъ, 18) проф. берл. ун. Бергманъ, 19) проф. париж. ун. Бруардель, 20) проф. париж. ун. Корниль, 21) проф. лейпц. ун. Флесинъ, 22) проф. гейдельб. ун. Тетенбауеръ, 23) директ. берл. анат. біолог. инст. Гертвигъ, 24) проф. хирургіи въ Лондонѣ Горслей, 25) директ. вюрцб. анат. инст. Келликеръ, 26) проф. страсб. ун. Наунинъ, 27) проф. мадрид. ун. Рамонъ Кайаль

28) б. проф. стокг. ун. Рециусъ, 29) директ. берл. анат. инст. Вальдеверъ, 30) проф. фрейб. ун. Циглеръ, 31) А. Н. Пыпинъ, 32) В. И. Герье, 33) Н. П. Кондаковъ, 34) Е. Е. Голубинскій, 35) В. И. Ламанскій, 36) П. В. Никитинъ, 37) Д. О. Кобеко, 38) чл. париж. акад. н. Делнль, 39) В. В. Латышевъ, 40) И. И. Толстой, 41) И. В. Помяловскій, 42) гр. Л. Н. Толстой, 43) б. проф. юрьев. ун. Лео Мейеръ, 44) В. С. Иконниковъ, 45) проф. берл. ун. Конце, 46) Н. В. Бугаевъ, 47) проф. эрланг. ун. Корданъ, 48) лордъ Кельвинъ, 49) чл. париж. акад. н. Маскаръ, 50) проф. вѣнск. ун. Ханна, 51) А. С. Ермоловъ, 52) презид. вѣнск. акад. н. Зюсъ, 53) акад. Фр. Шмидтъ, 54) шотландскій ученый Мёррей, 55) проф. берл. ун. Энглеръ, 56) акад. М. С. Воронинъ, 57) проф. фрейб. ун. Вейсманъ и 58) проф. неап. унив. Дорнъ.

Въ доктора *honoris causa* избраны по богословскому факультету пасторъ Биленштейнъ и проф. варбург. ун. Вигандъ, по медицинскому М. П. Литвиновъ, по историко-филологическому факультету Д. Ф. Кобеко и Пирлингъ докторами русской исторіи и А. Н. Пыпинъ докторомъ исторіи русской литературы и по физико-математическому факультету директоръ русск. зоологической станціи въ Виллафранка М. М. Давыдовъ докторомъ зоологіи и И. И. Померанцевъ докторомъ астрономіи.

Если вникнуть въ списокъ почетныхъ членовъ, то при всемъ обилии именъ и несомнѣнной ихъ почетной извѣстности, нельзя не признать значительныхъ недочетовъ и замѣтныхъ пропусковъ. Такъ, странно совершенное отсутствіе славянскихъ ученыхъ, и этотъ крупный пробѣлъ говоритъ вовсе не объ отсутствіи среди западныхъ и южныхъ славянъ достойныхъ ученыхъ, а о недостаточной постановкѣ славяновѣдѣнія въ самомъ юрьевскомъ университетѣ. Станнымъ также представляется полное отсутствіе нѣкоторыхъ русскихъ университетовъ. Можно съ увѣренностью сказать, что и тутъ причиной были мѣстные недосмотры и недостатокъ взаимнаго знакомства русскихъ университетовъ. Если для Юрьевского университета такой недосмотръ вполнѣ извинителенъ, по недавнему вступленію его въ семью русскихъ университетовъ, то онъ былъ бы совсѣмъ неизвинителенъ, напр., для харьковскаго университета, если бы только послѣдній оплошалъ въ этомъ отношеніи на своемъ столѣтнемъ юбилей.

Подготовка и проведеніе университетскаго торжества по поводу столѣтія университета—дѣло очень трудное, и избѣгать тутъ недочетовъ мудрено. Для предстоящаго Харьковского университетскаго юбилея мы пожелали бы, въ видѣ дополненія, окончательную подготовку и открытіе памятника В. Н. Каразину и устройство университетской выставки, на которой были бы собраны портреты университетскихъ дѣятелей, ихъ научные труды и т. п.

Особенно трудно, хлопотливо и отвѣтственно положеніе ректора, и нужно отдать справедливость А. Н. Филипову, что онъ весьма искусно справлялся съ своей сложной задачей. Волей неволей ему пришлось произнести цѣлый рядъ рѣчей, и всегда его рѣчи отличались краткостью, выдержанностью и тактомъ. Въ заключеніе перваго дня собранія г. Филиповъ благодарилъ всѣхъ присутствующихъ отъ имени университета. Небольшая рѣчь была построена на симпатичной идеѣ, что живое сочувствіе ученыхъ учреждений къ юрьевскому университету является отзвукомъ обнаруживающагося въ русскомъ обществѣ широкаго стремленія къ народному образованію.

Въ засѣданіи 13 декабря ректоромъ былъ прочитанъ академическій годовой отчетъ.

Какія бы чувства ни волновали мѣстное нѣмецкое общество, его отношеніе къ юбилейному празднику и къ пріѣхавшимъ гостямъ было вполне деликатное, осторожное и корректное. Въ самомъ городѣ университетское торжество, повидимому, не нашло отзыва, кромѣ официального обѣда, — по крайней мѣрѣ, на улицахъ не было замѣтно никакихъ либо украшеній или сочувственныхъ демонстрацій. Толпа зрителей спокойно стояла передъ университетомъ, съ равнодушнымъ любопытствомъ разсматривая своихъ гостей, между которыми было много высоко-чиновныхъ, въ разнообразной мундирной формѣ. Для мѣстныхъ обывателей все это было въ диковину, тѣмъ болѣе, что мундиръ почти совсѣмъ не привился на мѣстѣ; вмѣсто него господствуетъ черный фракъ съ знакомъ ученой степени.

Для опредѣленія мѣстнаго настроенія большой интересъ представляетъ юбилейный 278 № мѣстной нѣмецкой газетѣ „Nardlivländische Zeitung“.

Тутъ въ передовой статьѣ приведено, между прочимъ, стихотвореніе:

Aus der Jugendzeit, aus der Jugendzeit.

Klingt ein Lied mir immerdar.

Ach, wie liegt so weit, ach wie liegt so weit,

Was *mein*, was *mein* einst war.

Стихотвореніе прекрасное, но не въ немъ, очевидно, тутъ сила, а въ дважды подчеркнутомъ *mein*, обнаруживающемъ довольно узкую мѣстную тенденцію.

Спора нѣтъ, каждый университетъ имѣетъ и долженъ имѣть мѣстное значеніе, но сводить весь университетъ на какую то чуть не личную мѣстную собственность, по меньшей мѣрѣ, не отвѣчаетъ широкимъ задачамъ науки.

Еще болѣе эта узкая своекорыстная точка зрѣнія выступаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ передовой статьи:

Das Alles war unser. Aber Vieles von dem, was wir auf unserer Universität errungen und überkommen haben, ist auch heute noch unser und kann unser bleiben-an Wissen und Gesinnung, an Lebenshaltung und Lebensinhalt, an Erinnerungsgut und Erinnerungskraft, an „Sehnsucht zum Licht“. Und Etwas davon wird auch für alle Zukunft fortleben—

Denn keine Zeit und keine Macht zerstückelt
Geprägte Form, die lebend sich entwickelt.

Т. е. „Все было наше, и многое изъ того, что нами достигнуто, и теперь остается нашимъ и можетъ такимъ и впредь оставаться въ знаніи и настроеніи, въ образѣ и обиходѣ жизни, въ сокровищницѣ именъ и воспоминаній, въ „стремленіи къ свѣту“. И вѣчно будутъ имѣть значеніе слова поэта, что „никакое время и никакая власть не разрушать такой формы, которая возникла какъ результатъ внутренняго жизненнаго творчества“.

Несомнѣнно, тутъ есть доля истины. Русскіе профессора, на моихъ глазахъ, поднимали бокалы за своихъ почтенныхъ предшественниковъ и товарищей, и Петръ Великій когда то пилъ за здоровье своихъ учителей шведовъ, но это не помѣшало ему учиться самостоятельно и вести свою великую національную линію. „Sehnsucht zum Licht“ не представляетъ исключительно мѣстнаго явленія, и несомнѣнно желательно, чтобы свѣтъ знанія изъ юрьевскаго университета шелъ не только до Чудского озера, но и до Великаго океана, что, разумѣется, гораздо болѣе облегчается русскимъ, чѣмъ нѣмецкимъ языкомъ.

Профессорская коллегія принимала своихъ пріѣзжихъ гостей въ высокой степени радушно и привѣтливо; 11-го частный обѣдъ у ректора, 12-го обѣдъ отъ университета на 250 человекъ съ многочисленными рѣчами, „Gaudeamus“, и въ частности—отдѣльные русскіе профессора съ товарищескимъ радушіемъ принимали своихъ университетскихъ коллегъ.

Общее впечатлѣніе отъ праздника хорошее — русскій языкъ и русскіе люди, очевидно, завоевали себѣ прочное положеніе, и юрьевскій университетъ вошелъ въ семью русскихъ университетовъ на дружныхъ товарищескихъ началахъ, и хотя юрьевскому университету, какъ русскому, всего около десяти лѣтъ, но въ его средѣ уже не мало молодыхъ, бодрыхъ, и свѣжихъ научныхъ силъ, и остается только пожелать ему дальнѣйшаго преуспѣянія въ пользу и мѣстнаго края, и всей великой земли русской.

Заканчивая свои замѣтки о юрьевскомъ университетѣ, считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность совѣту харьковскаго университета, который, поставивъ меня въ положеніе своего депутата, оказалъ мнѣ тѣмъ высокую честь, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ мнѣ возможность лично ознакомиться съ далекимъ прибалтійскимъ краемъ, съ старо-нѣмецкимъ Dorpat и современными уважаемыми русскими дѣятелями на почвѣ возстановленнаго въ своемъ старомъ русскомъ княжескомъ имени Юрьева — живописнаго и симпатичнаго городка. Да процвѣтаетъ же и впредь бывший дерптскій, нынѣ юрьевскій университетъ въ области научнаго знанія, въ сферѣ общаго труда на пользу Россіи и мѣстнаго края!

Проф. Н. Θ. Сумцовъ.

Създаването на новия университет е свързано с многобройни трудности, които са предизвикани от липсата на материални средства и на квалифициран персонал. Въпреки това, новият университет е създаден и започва да функционира. Той е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания.

Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания.

Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания. Новият университет е създаден с цел да даде възможност на младите хора да получат образование и да се занимават с научни изследвания.

Отзывъ проф. А. М. Ляпунова о сочиненіи проф. В. А. Стеклова „Общіе методы рѣшенія основныхъ задачъ математической физики“.

Предметомъ разсматриваемаго сочиненія служитъ изслѣдованіе тѣхъ вопросовъ математической физики, которые такъ или иначе связаны съ уравненіемъ Лапласа. Наиболѣе важные изъ этихъ вопросовъ приводятся къ опредѣленію функций, удовлетворяющихъ уравненію Лапласа, при извѣстныхъ условіяхъ непрерывности и однозначности, по тѣмъ или другимъ предѣльнымъ условіямъ, какъ называютъ всякія условія, которыя должны быть выполнены на границѣ разсматриваемой области. Задачи объ опредѣленіи такихъ функций, называемыхъ *гармоническими*, могутъ быть весьма разнообразны, ибо существеннымъ образомъ зависятъ отъ характера предѣльныхъ условій. Но изъ всѣхъ задачъ этого рода особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ, въ которыхъ предѣльныя условія приводятся, въ одной — къ заданію на границѣ области значений самой гармонической функции, въ другой — къ заданію значений ея нормальной производной. Эти двѣ простѣйшія задачи, изъ которыхъ наиболѣе важное значеніе имѣетъ первая, извѣстная подъ именемъ *задачи Дирихле*, можно назвать основными, такъ какъ къ нимъ приводятся многія другія, болѣе сложныя. Этимъ двумъ задачамъ и отводится, поэтому, наиболѣе видное мѣсто въ разсматриваемомъ сочиненіи, гдѣ онѣ трактуются въ предположеніи, что границею области служить одна замкнутая поверхность, подчиненная условіямъ весьма общаго характера, и что разсматриваемая область приводится или къ части пространства внутренней по отношенію къ этой поверхности, или къ части пространства внѣшней.

Вышеуказанныя задачи принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя были поставлены уже давно. Ихъ постановка относится еще къ первой половинѣ истекшаго столѣтія и связана съ именами Гаусса, Грина и Дирихле. Но трудности, представляемыя этими задачами, таковы, что не говоря уже о рѣшеніи, сколько-нибудь удовлетворительномъ въ практическомъ отношеніи, самая возможность ихъ долгое время не могла быть установлена строго при сколько-нибудь общихъ предположеніяхъ.

Первый важный шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ Нейманомъ, который въ 1870 г. опубликовалъ методу, позволяющую доказать возможность задачи Дирихле — такъ называемый *принципъ Дирихле* — при довольно общихъ условіяхъ. Метода Неймана есть особая метода послѣдовательныхъ приближеній, и важность ея обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что она даетъ извѣстное аналитическое выраженіе для искомой функціи. Правда, выраженіе это, по своей крайней сложности, не можетъ служить для дѣйствительнаго рѣшенія задачи. Но въ вопросѣ столь высокой общности едва ли можно требовать чего-либо вполне удовлетворительнаго въ этомъ отношеніи. Важно уже и то, что мы имѣемъ выраженіе, которое можетъ быть полезно при различныхъ общихъ изысканіяхъ.

Должно однако замѣтить, что основной принципъ, на которомъ построена метода, и который я буду называть *принципомъ Неймана*, былъ доказанъ этимъ ученымъ лишь для случая поверхностей выпуклыхъ во всѣхъ своихъ точкахъ. Такимъ образомъ и принципъ Дирихле былъ доказанъ имъ лишь въ этомъ предположеніи.

Въ виду этого, какъ самъ Нейманъ, такъ и другіе ученые, между которыми въ особенности нужно указать на Шварца, продолжали изслѣдованіе вопроса, стараясь установить принципъ Дирихле и для поверхностей невыпуклыхъ. Но способы, предлагавшіеся ими для этой цѣли, при своей крайней сложности, не обладали надлежащей общностью, и до 1889 г., когда Пуанкаре опубликовалъ свое изслѣдованіе вопроса, не существовало вполне общаго доказательства принципа Дирихле.

Пуанкаре наконецъ далъ такое доказательство, ибо изобрѣтенная имъ весьма общая метода позволяетъ установить принципъ Дирихле совершенно независимо отъ того, будетъ ли рассматриваемая поверхность выпуклою или нѣтъ. Слѣдуетъ притомъ замѣтить, что предлагаемая имъ метода основана на весьма простыхъ соображеніяхъ.

Изслѣдованіе Пуанкаре имѣетъ, поэтому, весьма важное значеніе. Но его метода не даетъ аналитическаго выраженія искомой функціи и въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ методу Неймана.

Вслѣдствіе этого, нѣсколько лѣтъ спустя, Пуанкаре предпринялъ новое изслѣдованіе, имѣвшее цѣлью распространить методу Неймана и на поверхности невыпуклыя, и въ 1896 г. опубликовалъ весьма важный мемуаръ *La méthode de Neumann et le problème de Dirichlet*, гдѣ показываетъ, что такое распространеніе дѣйствительно возможно.

Этотъ мемуаръ важенъ не только по своимъ выводамъ, но и потому, что въ немъ указывается новое примѣненіе одной метода, которою незадолго передъ тѣмъ Пуанкаре съ успѣхомъ воспользовался для

рѣшенія другого вопроса. Основаніе этой методѣ было положено Шварцомъ. Но Пуанкаре первый оцѣнилъ ея значеніе и показалъ, какъ можно ею пользоваться при рѣшеніи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Въ настоящее время, благодаря изслѣдованіямъ какъ самого Пуанкаре, такъ и другихъ ученыхъ, метода эта, которую можно назвать *методомъ Шварца—Пуанкаре*, приобрѣла полное развитіе и служитъ важнымъ средствомъ для рѣшенія вопросовъ математической физики. Этою методомъ весьма широко пользуется и авторъ разсматриваемаго сочиненія, который уже не разъ и раньше примѣнялъ ее къ различнымъ вопросамъ.

Что касается распространенія метода Неймана, то вышеназванный мемуаръ Пуанкаре еще нельзя было считать рѣшающимъ вопросъ окончательно, такъ какъ, при всей важности развиваемыхъ въ немъ идей, онъ оставлялъ многіе пункты недоказанными. Такъ, Пуанкаре основывается на одномъ преобразованіи переменныхъ, которое считаетъ всегда возможнымъ, что однако же не можетъ быть принято безъ доказательства. Съ другой стороны, разсматривая гармоническія функціи, опредѣляемые своими значеніями на поверхности, онъ дѣлаетъ выводы, законные лишь при допущеніи, что для частныхъ производныхъ этихъ функцій по координатамъ или, по крайней мѣрѣ, для нормальной производной существуютъ опредѣленные предѣльные значенія на поверхности. Между тѣмъ этихъ предѣльныхъ значеній можетъ и не существовать; да и вопросъ объ условіяхъ ихъ существованія въ то время не былъ разрѣшенъ.

Такимъ образомъ послѣ разсматриваемаго мемуара оставалось еще весьма широкое поле для изслѣдованій въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Въ связи съ упомянутымъ сейчасъ вопросомъ о существованіи предѣльныхъ значеній на поверхности для производныхъ гармонической функціи въ задачѣ Дирихле стоитъ вопросъ о возможности основной электростатической задачи.

Для рѣшенія этой задачи Робенъ еще въ 1886 году предложилъ методу послѣдовательныхъ приближеній, аналогичную Неймановой. Но сходимость своей методы Робенъ доказалъ, подобно Нейману, лишь для выпуклыхъ поверхностей и притомъ — въ предположеніи, что возможность самой задачи не подлежитъ сомнѣнію.

Эта возможность принималась раньше всѣми безъ доказательства, и Пуанкаре въ вышеназванномъ мемуарѣ, между прочимъ, на ней основываетъ свои выводы.

Я давно уже обращалъ вниманіе на то, что этотъ пунктъ представляетъ слабую сторону разсматриваемыхъ теорій, и что вопросъ о существованіи предѣльныхъ значеній на поверхности для производныхъ гармонической функціи въ задачѣ Дирихле, равно какъ и вопросъ о возможности электростатической задачи требуетъ особаго изслѣдованія.

Осенью 1897 года это изслѣдованіе, въ двухъ различныхъ направленіяхъ, было предпринято мною и В. А. Стекловымъ. Вскорѣ В. А. Стеклову удалось найти такое видоизмѣненіе анализа Робена, при которомъ сходимость методы можно было доказать независимо отъ предварительнаго допущенія возможности задачи. Такимъ образомъ получалось и доказательство этой возможности для случая выпуклыхъ поверхностей. Въ то же время мои изслѣдованія привели къ установленію тѣсной зависимости между принципомъ Неймана и основнымъ принципомъ методы Робена. Мнѣ удалось показать, и притомъ — независимо отъ того, принадлежитъ ли разсматриваемая поверхность къ числу выпуклыхъ или нѣтъ, что изъ принципа Неймана въ нѣкоторой частной формѣ выводится общій принципъ Робена. Этимъ устанавливались и возможность основной электростатической задачи, и сходимость методы Робена для всѣхъ случаевъ, въ которыхъ принципъ Неймана такъ или иначе установленъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматривая общую задачу Дирихле, я указалъ и критеріумъ для рѣшенія вопроса о существованіи предѣльныхъ значеній на поверхности для производныхъ гармонической функціи.

Послѣ моего изслѣдованія, которое было опубликовано въ 1898 г., все дѣло сводилось къ тому, чтобы для поверхностей невыпуклыхъ доказать принципъ Неймана, по крайней мѣрѣ, въ той частной формѣ, которая лежала въ основаніи моихъ выводовъ, не прибѣгая къ допущенію существованія упомянутыхъ сейчасъ предѣльныхъ значеній производныхъ.

Таково было положеніе дѣла, когда В. А. Стекловъ предпринялъ настоящее изслѣдованіе.

Прежде всего нужно было пересмотрѣть анализъ Пуанкаре, чтобы, по возможности, освободить его отъ произвольныхъ допущеній.

В. А. Стекловъ замѣтилъ, что все зависитъ отъ доказательства одного общаго предложенія, лежащаго въ основаніи всѣхъ выводовъ Пуанкаре. Это предложеніе, которое В. А. Стекловъ называетъ „фундаментальною теоремою“, доказывается Пуанкаре при помощи вышеупомянутаго преобразованія, причемъ при доказательствѣ Пуанкаре пользуется соображеніями, предполагающими существованіе не разъ упоминавшихся предѣльныхъ значеній производныхъ.

Что касается преобразованія Пуанкаре, то въ то время, когда писалось рассматриваемое сочиненіе, автору не удалось его устранить, и за неимѣніемъ сколько-нибудь общаго доказательства возможности этого преобразованія, авторъ принужденъ былъ его рассматривать, какъ особое условіе, характеризующее поверхность. Въ этомъ предположеніи онъ и доказываетъ „фундаментальную теорему“. Что же касается всѣхъ другихъ допущеній Пуанкаре, то автору удалось освободить отъ нихъ доказательство, придавши теоремѣ нѣсколько менѣе общую форму, чѣмъ та, въ которой она встрѣчается у Пуанкаре, что оказалось возможнымъ, такъ какъ и въ этой формѣ теорема вполне достаточна для дальнѣйшихъ выводовъ.

Доказательство „фундаментальной теоремы“ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вспомогательными предложеніями составляетъ содержаніе первой главы, гдѣ такимъ образомъ устанавливаются основанія для дальнѣйшихъ выводовъ, и все остальное, составляющее содержаніе слѣдующихъ четырехъ главъ, можно считать вполне доказаннымъ для всѣхъ случаевъ поверхностей, допускающихъ преобразование Пуанкаре.

Должно однако замѣтить, что это преобразование необходимо автору лишь для доказательства „фундаментальной теоремы“ и само по себѣ не играетъ затѣмъ никакой роли. Поэтому выводы автора распространяемы на всѣ случаи, въ которыхъ теорему эту удастся такъ или иначе установить. Это замѣчаніе очень важно въ виду того, что, какъ будетъ указано ниже, въ настоящее время авторъ имѣетъ доказательство „фундаментальной теоремы“ вполне независимое отъ преобразованія Пуанкаре.

Перехожу къ слѣдующимъ главамъ.

Во второй главѣ авторъ прежде всего доказываетъ принципъ Неймана для случая, когда начальная функція есть потенциалъ простого слоя равной нулю массы. По существу, это та самая форма принципа Неймана, на которой я основывался въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи для установленія принципа Робена. Разница лишь въ томъ, что я не предполагалъ массу слоя равною нулю. Но въ рассматриваемомъ случаѣ это ограниченіе вытекаетъ естественно изъ способа доказательства, которое основано на „фундаментальной теоремѣ“.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ доказательству принципа Робена, пользуясь для этого методой, которую я показалъ въ названномъ сейчасъ изслѣдованіи. Но вслѣдствіе вышеуказаннаго ограниченія онъ получаетъ этотъ принципъ сначала въ той формѣ, когда начальная и всѣ слѣдующія плотности соотвѣтствуютъ равной нулю массѣ. Однако общій принципъ Робена легко выводится изъ этой частной формы, что

и показываетъ авторъ. Такимъ образомъ имъ устанавливаются и возможность основной электростатической задачи, и метода Робена.

Замѣчу, что, установивши общій принципъ Робена, весьма нетрудно было обобщить и принципъ Неймана, который тотъ часъ-же можетъ быть доказанъ для случая, когда начальная функція такова, что зависящій отъ нея потенциалъ двойного слоя имѣетъ правильныя нормальныя производныя на поверхности. Правда, авторъ и указываетъ это обобщеніе, но дѣлаетъ онъ это лишь въ четвертой главѣ, послѣ длиннаго ряда довольно сложныхъ разсужденій, имѣющихъ цѣлью установить методу Неймана въ задачѣ Дирихле. Между тѣмъ, если-бы принципъ Неймана въ указанной сейчасъ формѣ былъ установленъ имъ предварительно, эти разсужденія сдѣлались-бы совершенно лишними, такъ-какъ метода Неймана вытекала-бы изъ него непосредственно.

Въ третьей главѣ авторъ прежде всего останавливается на задачѣ объ опредѣленіи гармонической функціи по заданнымъ на поверхности значеніямъ ея нормальной производной. Излагаются двѣ методы рѣшенія задачи: одна, указанная Нейманомъ и основанная на его принципѣ, другая, основанная на принципѣ Робена. На эту послѣднюю методу авторъ уже обращалъ вниманіе въ одной изъ своихъ статей, гдѣ она излагалась въ нѣкоторомъ частномъ предположеніи относительно поверхности. Теперь онъ доказываетъ ее въ общемъ видѣ.

Затѣмъ авторъ обращается къ задачѣ объ установившейся температурѣ, которая при помощи рядовъ можетъ быть сведена къ предыдущей. Эта важная задача аналитической теоріи теплоты уже разсматривалась Пуанкаре въ мемуарѣ *Sur les équations de la Physique Mathématique*, въ 1894 г. Но вслѣдствіе отсутствія въ то время доказательствъ для нѣкоторыхъ основныхъ предположеній, анализъ Пуанкаре не удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ строгости и нуждался еще во многихъ дополненіяхъ. Въ виду этого авторъ разсматриваемаго сочиненія и останавливается вновь на этой задачѣ, которая въ настоящее время допускаетъ вполне строгое рѣшеніе. Авторъ показываетъ, какъ можно этого достигнуть при помощи метода Шварца-Пуанкаре, если вмѣсто метода Неймана, которою пользовался Пуанкаре, употреблять методу, основанную на принципѣ Робена.

Четвертая глава посвящена главнымъ образомъ задачѣ Дирихле. Авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія извѣстнаго преобразованія посредствомъ взаимныхъ радіусовъ-векторовъ и, комбинируя это преобразование съ преобразованиемъ Пуанкаре, указываетъ вытекающія отсюда слѣдствія по отношенію къ функціи Грина и общей задачѣ Дирихле, когда возможность основной электростатической задачи уже установлена. Впро-

чѣхъ, указываемыя здѣсь предложенія не играютъ затѣмъ никакой роли и приводятся авторомъ лишь для большей полноты.

Послѣ этого авторъ переходитъ къ доказательству метода Неймана въ задачѣ Дирихле, при чемъ ограничивается случаемъ, когда заданныя на поверхности значенія гармонической функции удовлетворяютъ тому условію, чтобы зависящій отъ нихъ потенциалъ двойного слоя допускалъ правильныя нормальныя производныя на поверхности. Это то самое условіе, которое, согласно данному мною критериуму, обеспечиваетъ существованіе нормальныхъ производныхъ на поверхности и для искомой гармонической функции. Только для такихъ случаевъ и доказывается авторомъ метода Неймана.

Что касается доказательства, то, какъ я уже говорилъ, оно очень длинно и сложно, а между тѣмъ его можно было-бы совсѣмъ устранить, если-бы авторъ предварительно доказалъ принципъ Неймана въ общемъ видѣ. Правда, въ примѣчаніи къ четвертой главѣ авторъ указываетъ нѣкоторыя упрощенія. Но и при этихъ упрощеніяхъ анализъ остается слишкомъ сложнымъ.

Перехожу къ пятой и послѣдней главѣ, которая представляетъ наиболѣе важную часть сочиненія.

Эта глава посвящена теоріи особыхъ функций, представляющихъ извѣстное обобщеніе шаровыхъ и другихъ подобныхъ функций и называемыхъ, по предложенію Пуанкаре, *фундаментальными*.

На возможность такого обобщенія впервые обратилъ вниманіе Пуанкаре въ вышеуказанномъ мемуарѣ *La méthode de Neumann et le problème de Dirichlet*, гдѣ онъ показалъ важное значеніе этого рода функций для изслѣдованія различныхъ вопросовъ объ опредѣленіи гармоническихъ функций по даннымъ предѣльнымъ условіямъ. Но Пуанкаре не доказалъ существованія указанныхъ имъ функций и лишь въ общихъ чертахъ намѣтилъ планъ, по которому должна быть построена ихъ теорія.

Два года спустя, вопросъ о фундаментальныхъ функцияхъ былъ подвергнутъ обстоятельной разработкѣ однимъ изъ учениковъ Пуанкаре, Леруа. Исходя изъ иного опредѣленія этого рода функций и пользуясь методомъ Шварца-Пуанкаре, Леруа доказалъ существованіе и развилъ полную теорію своихъ фундаментальныхъ функций.

Вскорѣ затѣмъ были предприняты изслѣдованія въ томъ-же направленіи и авторомъ разсматриваемаго сочиненія, который еще въ 1895 г. имѣлъ случай встрѣтиться съ подобными функциями. Обобщивши извѣстнымъ образомъ эти послѣднія, авторъ пришелъ къ опредѣленію фундаментальныхъ функций, отличному какъ отъ опредѣленія Пуанкаре,

такъ и отъ опредѣленія Леруа, при чемъ та-же метода Шварца-Пуанкаре позволила ему доказать существованіе этихъ новыхъ фундаментальныхъ функцій. Результатомъ этихъ изслѣдованій автора и явилась та теорія, которую онъ излагаетъ въ пятой главѣ сочиненія.

Фундаментальныя функціи Леруа, какъ и фундаментальныя функціи В. А. Стеклова, отличны отъ функцій Пуанкаре. Поэтому теорія послѣднихъ не можетъ быть выводима изъ теоріи первыхъ. Но послѣ изслѣдованій Леруа и В. А. Стеклова не остается никакого сомнѣнія, что и теорія фундаментальныхъ функцій Пуанкаре можетъ быть построена на такихъ же началахъ. Нѣкоторыя указанія въ этомъ отношеніи даетъ и авторъ разсматриваемаго сочиненія.

Установивши существованіе своихъ фундаментальныхъ функцій и показавши нѣкоторыя ихъ свойства, авторъ переходитъ затѣмъ къ доказательству особыхъ формулъ, дающихъ выраженія подъ видомъ рядовъ для интеграловъ отъ произведенія двухъ функцій, распространенныхъ на разсматриваемую поверхность. Этого рода формулы, благодаря значительной общности, могутъ имѣть разнообразныя и важныя приложенія, какъ это было показано мною для случая шаровыхъ функцій, когда разсматриваемая поверхность есть сфера или эллипсоидъ. Въ разсматриваемомъ сочиненіи названныя формулы доказываются для общаго случая фундаментальныхъ функцій при помощи особой методы, которая уже была изложена авторомъ раньше по поводу другого, аналогичнаго вопроса.

Основываясь на этихъ формулахъ, авторъ указываетъ многочисленныя и разнообразныя примѣненія фундаментальныхъ функцій. Такъ, имъ даются разложенія въ особые ряды потенціала и притяженія массы, распределенной по поверхности, и показывается, какъ этими рядами можно воспользоваться для опредѣленія потенціала и притяженія въ любой точкѣ пространства, когда извѣстны значенія потенціала на поверхности. Авторъ останавливается также на вопросѣ о разложеніи какой-либо заданной на поверхности функціи въ рядъ, расположенный по фундаментальнымъ функціямъ, и показываетъ, что такое разложеніе, въ которомъ коэффициенты опредѣляются по извѣстному правилу, всегда возможно, коль скоро получаемый рядъ оказывается равномерно сходящимся на поверхности. Наконецъ, авторомъ указывается рѣшеніе при помощи фундаментальныхъ функцій задачи Дирихле, а также и другой основной задачи, въ которой гармоническая функція опредѣляется заданными на поверхности значеніями нормальной производной.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе сочиненія. При изложеніи я ограничился лишь самымъ существеннымъ и не останавливался

на различныхъ побочныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ авторомъ. Но и изъ этого краткаго изложенія видно, насколько важно и разнообразно содержаніе разсматриваемой книги. Уже одна теорія фундаментальныхъ функций, въ созданіи которой авторъ проявилъ много оригинальности, составляетъ весьма важный вкладъ въ науку. Но не менѣе важнымъ я считаю строгое установленіе связи между принципомъ Неймана и предложеніемъ, которое авторъ называетъ „фундаментальною теоремою“.

Я уже указывалъ выше, что это предложеніе доказывается авторомъ при помощи преобразованія Пуанкаре, но что остальные выводы не зависятъ отъ возможности этого преобразованія и справедливы всякій разъ, когда „фундаментальную теорему“ удастся такъ или иначе доказать. Отсюда видно, насколько важно установить эту теорему независимо отъ преобразованія Пуанкаре.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ профессоръ Краковскаго университета Заремба опубликовалъ небольшую статью, въ которой указываетъ, что изъ его послѣднихъ изслѣдованій вытекаетъ возможность обосновать методу Неймана, не прибѣгая къ названному преобразованію, а вскорѣ затѣмъ В. А. Стекловъ и праватъ-доцентъ Мюнхенскаго университета Корнъ, основываясь на этомъ указаніи Зарембы, пришли одновременно къ доказательству одного неравенства, вытекающаго изъ „фундаментальной теоремы“ и лежащаго въ основаніи доказательства принципа Неймана. Въ настоящее-же время В. А. Стекловъ нашелъ доказательство и самой „фундаментальной теоремы“. Такимъ образомъ послѣднюю удалось наконецъ установить, не прибѣгая къ преобразованію Пуанкаре. Однако этотъ важный результатъ не могъ войти въ разсматриваемое сочиненіе, печатаніе котораго уже заканчивалось въ то время, когда онъ былъ полученъ.

Замѣчу, что за двухлѣтній промежутокъ времени, въ теченіе котораго печаталось это сочиненіе, появилось нѣсколько изслѣдованій другихъ ученыхъ, въ которыхъ были опубликованы результаты, сходные съ полученными авторомъ. Но это нисколько не умаляетъ значенія разсматриваемаго сочиненія и вполне естественно въ виду того, что область вопросовъ, къ которой относится сочиненіе, въ настоящее время обратила на себя всеобщее вниманіе и одновременно разрабатывается многими учеными.

Мнѣ остается еще сказать о замѣченныхъ мною недостаткахъ. Но на этомъ я не буду долго останавливаться, такъ какъ важнѣйшіе изъ недостатковъ относятся къ изложенію. Скажу только, что изложеніе недостаточно обработано, благодаря чему многіе выводы отличаются большою сложностью, не обусловливаемою сущностью дѣла, каковы напр.

главные выводы четвертой главы. Есть даже совершенно ненужные рассуждения. Встрѣчаются также нѣкоторыя нестрогости, неточныя опредѣленія и выраженія, погрѣшности въ формулахъ, неосновательныя утверждения. Но все это легко поправимо и не вліяетъ на выводы, дѣлаемые авторомъ.

Вообще замѣченные мною недостатки, вполне извинительные въ столь обширномъ и сложномъ трудѣ, не настолько важны, чтобы нужно было на нихъ здѣсь останавливаться, тѣмъ болѣе, что я буду имѣть случай поговорить о нихъ на диспутѣ.

Проф. А. Ляпуновъ.

17-го ноября 1901 г.

Отзывъ проф. Н. Θ. Сумцова о диссертациі А. П. Кадлубовскаго „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“.

Диссертациа г. Кадлубовскаго, представленная на соисканіе магистерской степени по кафедрѣ исторіи русскаго языка и литературы, „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“ представляетъ объемистое изслѣдованіе въ 376 страницъ. Состоитъ она собственно изъ трехъ отдѣльных изслѣдованій; первыя три главы, трактующія о житіяхъ Авраамія Ростовскаго, Меркурія Смоленскаго и Никиты Переяславскаго, имѣютъ историко-литературный характеръ. Здѣсь проведено то положеніе, что житія русскихъ святыхъ сложились подъ прямымъ воздѣйствіемъ житій византійскихъ объ Аврааміи Затворникѣ, Меркуріи Кесарійскомъ и св. великомученикѣ Никитѣ.

Старательно, съ увлеченіемъ разработаны первыя главы о житіи Авраамія Ростовскаго. Авторъ, согласно съ мнѣніемъ Голубинскаго, относитъ Авраамія съ XIV ст., и высказываетъ мнѣніе, что въ основу житія легли мѣстныя смутныя монастырскія преданія объ Аврааміи, къ которымъ впослѣдствіи приросли нѣкоторыя сказанія о святомъ Восточной церкви Аврааміи Затворникѣ, память котораго положена въ одинъ день съ памятью Авраамія Ростовскаго. Увлекаясь своимъ изслѣдованіемъ, авторъ, безъ особенной надобности, дважды повторяетъ свои выводы и заключенія. Авторъ тщательно разбираетъ лишь ту сторону въ житіи Авраамія Ростовскаго, которая даетъ нѣкоторый, вообще слабый поводъ съ сближенію этого житія съ болѣе древнимъ житіемъ Авраамія Затворника, и оставляетъ безъ изученія нѣкоторыя характерныя бытовые и легендарные мотивы, напр., мотивы о заключеніи демона въ сосудѣ, о наказаніи Авраамія „на пѣзѣй ослиатицѣ“.

Весьма тщательно разработана вторая глава о Меркуріи Смоленской, въ которой авторъ видитъ мѣстную смоленскую локализацию великомученика Меркурія Кесарійскаго съ нѣкоторыми дополненіями изъ западной легендарной литературы. Такъ, мотивъ о томъ, какъ мученикъ несъ свою голову, взятъ, по мнѣнію автора, изъ популярнаго въ восточномъ мірѣ разсказовъ подобнаго рода. Въ кругъ изслѣдованій и сравненій привлечена отчасти и западно-европейская научная литература, что придаетъ этой главѣ значительную научную цѣнность. Высказаннымъ поводомъ къ сравненію Меркурія Смоленскаго съ Меркуріемъ Кесарійскимъ послужило приуроченіе ихъ памяти къ одному и тому же дню—24 ноября.

Третья глава о св. великомученикѣ Никитѣ и св. Никитѣ столпникѣ Переяславскомъ построена на очень шаткой почвѣ внѣшняго сходства въ демонологіи. Автора къ сравненіямъ, сопоставленіямъ и обобщеніямъ двухъ святыхъ привели тѣ общія мѣста, гдѣ оба святые являются демоно-борцами.

Четвертая глава, заключающая въ себѣ около 40 печат. страницъ, посвящена изложенію содержанія малоизвѣстнаго Волоколамскаго Патерика XVI ст. Вкратцѣ приведено содерженіе всѣхъ 29 входящихъ въ него разсказовъ; но въ историко-литературномъ отношеніи подробно изслѣдованъ лишь одинъ разсказъ—о чудѣ съ еретикомъ священникомъ. Разѣе этотъ мотивъ былъ уже предметомъ изслѣдованія у Веселовскаго въ его „Разысканіяхъ въ области рус. народ. стиха“, что извѣстно автору, и у Чайльда въ его примѣчаніяхъ къ шотландскимъ балладамъ. Замѣчанія автора о другихъ разсказахъ Волоколамскаго Патерика очень кратки, и, кромѣ передачи содержанія, почти совсѣмъ лишены характера изслѣдованія.

Самая обширная глава—последняя, пятая. Она занимаетъ свыше 100 стр., слѣдовательно, болѣе половины всей книги. Авторъ здѣсь съ литературной точки зрѣнія переходитъ почти всецѣло на точку зрѣнія бытовую. Заголовокъ такой: „Русскія житія XV—XVI вв. и современныя имъ направленія рус. религіозной мысли“. Послѣ предварительныхъ замѣчаній, не представляющихъ интереса, авторъ говоритъ объ Епифаніи и Пахоміи, о литературѣ житій отъ Пахомія до Макарія, о житіяхъ макарьевскаго и послѣмакарьевскаго времени. Около 50 послѣднихъ страницъ занято „выводами“ изъ разбора житій, точнѣе, повтореніемъ и сводомъ тѣхъ положеній и замѣчаній, которые высказаны были авторомъ предварительно при разборѣ отдѣльныхъ житій. Здѣсь авторъ заранѣе полемизируетъ съ предполагаемыми критиками своего труда и старается ослабить нѣкоторыя возможные возраженія. Такъ какъ

въ интересы автора входитъ собственно бытовая, а не литературная дѣйствительность, такъ какъ вниманіе его главнымъ образомъ было занято спорами о монастырскомъ владѣніи недвижимыми имуществами, то авторъ всячески стремится умалить значеніе высказанныхъ ранѣе въ наукѣ мнѣній о византійскихъ вліяніяхъ и въ особенности старается о томъ, чтобы удержать за сочиненіями Нила Сорскаго и заволжскихъ старцевъ бытовое значеніе.

Изслѣдованіе объ отраженіи религіозныхъ настроеній XV—XVI вв. въ житіяхъ того времени заключаетъ въ себѣ много общихъ мѣстъ, что обусловлено слишкомъ обильными повтореніями и слишкомъ многочисленными общими мѣстами въ житіяхъ XV—XVI вв. Много тутъ шаблоннаго. Авторъ стремится провести рѣзкую разницу между средне-русскимъ іосифлянскимъ направленіемъ религіозныхъ интересовъ и тѣмъ направленіемъ, тѣми стремленіями, которыхъ придерживались заволжскіе старцы; но такое различіе не оправдывается въ достаточной степени приводимыми доказательствами, и вездѣ чувствуется преувеличеніе, искусственность предвзятой мысли, мѣстами излишніе риторическіе приемы, въ цѣляхъ убѣжденія читателя не путемъ дѣловаго, фактическаго, безпристрастнаго доказательства, а путемъ наведенія, внушенія, убѣжденія. Страницы 161—171, 326—373 имѣютъ характеръ не научнаго изслѣдованія, а бойкаго діалектическаго трактата, стремящагося не убѣдить, а покорить читателя, и такое усердіе показываетъ только, что самъ авторъ не особенно вѣритъ во внутреннюю фактическую убѣдительность своего изслѣдованія.

Зависимость автора отъ знаменитаго труда Ключевскаго о древнерусскихъ житіяхъ, какъ историческомъ источникѣ, красной нитью проходящая черезъ всѣ „Очерки“, особенно ярко обнаруживается въ 5-ой главѣ. Волей-неволей авторъ на каждомъ шагу пользуется дѣйствительно капитальнымъ трудомъ проф. Ключевскаго, и, хотя мѣстами пытается полемизировать съ этимъ ученымъ, но почти всѣ разногласія выходятъ не въ пользу автора, такъ какъ приводимый имъ въ доказательство житійный матеріалъ снова подтверждаетъ основное положеніе проф. Ключевскаго о весьма малой пригодности житій русскихъ святыхъ XV—XVI в. съ точки зрѣнія исторической и въ значительной степени съ точки зрѣнія литературной. При всемъ усердіи, автору не удалось поднять историко-литературное значеніе Московскихъ житій XV—XVI вв.

Авторъ захватилъ для изслѣдованія большой матеріалъ, и потому, должно быть, онъ сталъ болѣе на сторону изложенія содержанія житій, не вдаваясь глубоко въ анализъ отдѣльных фактовъ. Специальному изученію подвергнуты лишь немногія легенды; большинство легендъ лишь отмѣчено мимоходомъ.

Авторъ самъ отлично сознаетъ нѣкоторое неудобство принятаго эпизодическаго метода изслѣдованія и въ своемъ краткомъ предисловіи стремится оправдать и мотивировать „очерки“: „занимаясь изученіемъ древне-русскихъ житій, говоритъ авторъ въ концѣ предисловія, я не чувствую себя силою вещей (?) отказаться отъ всесторонняго обобщенія предмета во всей его полнотѣ и посвятить свою работу дополненію прежнихъ изслѣдованій, иногда исправленію ихъ выводовъ, и попыткѣ придать ей характеръ отдѣльныхъ очерковъ“. Если подѣ силой не разумѣть недостатокъ времени, то нельзя не пожалѣть, что авторъ расширялъ свой кругъ изслѣдованія въ направленіи къ XVI в. и оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ XII и XIII вв., причемъ почти совсѣмъ въ сторонѣ оставленъ любопытный вопросъ, какъ, подѣ какими воздѣйствіями и въ какихъ пріемахъ измѣнилась старая фактическая житійная форма въ литературно-риторическую XV и XVI вв.

Въ предисловіи на 7 стр. авторъ вопросъ о формѣ считаетъ уже рѣшеннымъ; но рѣшеніе это, въ томъ видѣ какъ оно дано Ключевскому, имѣетъ слишкомъ общій характеръ, и въ смыслѣ историко-литературномъ это вопросъ далеко не рѣшенный, лишь намѣченный.

Недостаточно внимательное отношеніе къ формальной сторонѣ житій XV и XVI вв. повело къ тому, что авторъ въ 5-й главѣ чисто литературнымъ, литературнымъ и риторическимъ украшеніямъ придаетъ фактическое реальное значеніе и разныя общія мѣста о нестяжательности, благочестіи и т. п. вводитъ въ кругъ соображеній о культурно-историческомъ настроеніи общества.

Хотя изслѣдованіе г. Кадлубовскаго вызываетъ многія возраженія, оно даетъ поводъ для серіозной критики съ разныхъ точекъ зрѣнія и по разнымъ спеціальностямъ, по исторіи русской литературы, по исторіи церкви, по исторіи Византіи и др., при всемъ томъ оно представляетъ трудъ большой, цѣнный, самостоятельный. Лучшая часть книги—первыя двѣ главы объ Аврааміи Ростовскомъ и Меркуріи Смоленскомъ. Третья глава о Волоколамскомъ Патерикѣ уже потому представляетъ значительную научную цѣнность, что построена на новомъ матеріалѣ. Книга написана съ увлеченіемъ, хорошимъ литературнымъ вкусомъ, и я думаю, что это изслѣдованіе можетъ быть одобрено, какъ магистерская диссертация, и что въ лицѣ Арс. Петр. Кадлубовскаго русская наука приобретаетъ полезнаго дѣятеля.

Профессоръ Н. Сумцовъ.

20 Апрѣля 1902 г.

„Московскіе цари и византійскіе василевсы“ соч. В. Саввы.

Рецензія проф. Будинскаго, составленная по порученію ист.-филол. факультета.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Цѣль его работы—принести сильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь. Задача его—уяснить одинъ небольшой, но имѣющій свое значеніе, отдѣлъ въ указанномъ вопросѣ: *предполагаемое* вліяніе Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей“. Но содержаніе настоящей книги далеко не соотвѣтствуетъ упомянутой задачѣ. Автору, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы прямо сказать: задача его работы доказать, что *господствующее* въ нашей исторической литературѣ мнѣніе о вліяніи Византіи на образованіе идеи власти московскихъ государей—неосновательно.

Предпріятіе слишкомъ смѣлое! Какъ же г. Савва выполнилъ свою задачу?

Не говоря ни слова о вліяніи Византіи на религ., государ. и общественную жизнь русскаго народа въ предшествующіе вѣка, авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе прямо со второй половины 15 в., какъ будто бы между эпохою Ивана III и протекшими временами не было никакой связи въ дѣлѣ образованія на Руси идеи царской власти.

Въ первой главѣ—„Роль Софіи Палеологъ, какъ проводника византійскаго вліянія въ Кремлѣ“ авторъ приводитъ взгляды на значеніе брака Ивана Васильевича съ Софьей Палеологъ нашихъ историковъ—Щербатова, Карамзина, Полевого, Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, Забѣлина, Вешникова, Иконникова, Терновскаго, Дьяконова, Успенскаго и о. Пирлинга.

Каждому читателю, познакомившемуся съ этими взглядами, ясно, что даже самые знаменитые изъ нашихъ историковъ, слишкомъ много поработавшихъ по Русской Исторіи, какъ Соловьевъ, Забѣлинъ, Костомаровъ, Иловайскій, Бестужевъ-Рюминъ и Иконниковъ, согласно утверждаютъ, что бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ имѣлъ разнообразныя и важныя послѣдствія для московскаго государства. Мы приведемъ здѣсь мнѣнія по этому предмету С. М. Соловьева не по книгѣ г. Саввы, а такъ какъ излагаетъ оное самъ Соловьевъ въ 5 т. своей Исторіи Россіи. Бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ, говоритъ покойный историкъ, имѣлъ важныя слѣдствія. „До сихъ поръ главною заботою московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы и прибитки... Мы видѣли (4-й т.), какъ всѣ отношенія духовенства, дружины, остальнаго народонаселенія клонились къ утвержденію въ

Искать хрипкаго самодержавія: въ половинѣ XV в. все уже было при-
нуждено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту фор-
му во отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторые преданія,
обычаи, приемы, отъ которыхъ и нужно было освободиться.... Для успѣш-
наго достиженія цѣли нужна была помощь преданій имперіи: эти-
мъ преданія и были принесены въ Москву Софіей Палеологъ. Современ-
ники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ Императора
Византійскаго, явился грознымъ государемъ на московскомъ велико-княжескомъ
престолѣ: онъ первый получилъ названіе грознаго, п. ч. явился для князей
и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и
строга карающимъ заслушаніе, возвысился до царственной недосигаемой
власти, предъ которой бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина
не смѣли были благоговѣнно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ
царей; по первому мановенію Грознаго Іоанна головы крамольныхъ
князей и бояръ лежали на плахѣ. *Современники и ближайшіе потомки
приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого
основанія отвергать ихъ свидѣтельства*. Такимъ образомъ мнѣніе свое о
внѣшней Софіи и значеніи ея брака съ московскимъ государемъ Соловьевъ
высказываетъ ясно и положительно; по существу почти всѣ наши исто-
рики говорятъ то же самое.

Намъ кажется въ высшей степени страннымъ, что авторъ разби-
рательской нами книги, приводя взглядъ о вліяніи брака Ивана III съ
Софіей Палеологъ даже такого историка, какъ кн. Щербатовъ, въ то же
время игнорируетъ мнѣніе по тому же предмету профессоровъ Дьяко-
нова и Ключевского; вѣдь взгляды этихъ историковъ и особенно столь
авторитетнаго пр. Ключевского не могутъ не заслуживать вниманія со
стороны молодого ученаго. Но мы считаемъ нужнымъ привести эти мнѣ-
нія. Въ концѣ 1472 г., пишетъ пр. Дьяконовъ въ своей магист. дис-
сертациі— „Власть москов. государей“,—состоялся бракъ великаго князя
съ Зоей Палеологъ, дочерью Морійскаго деспота и племянницей по-
слѣдняго греческаго царя. Слѣдствіемъ этого брака были, какъ извѣстно,
существенныя измѣненія въ обиходѣ придворной жизни, возвысившія
значеніе московскаго князя въ глазахъ населенія. Гордая визан. прин-
цесса съ неудовольствіемъ смотрѣла на незатѣйливый этикетъ москов-
скаго двора и сильно хлопотала объ увеличеніи пышности придворнаго
прехожденія. Около этого времени возникаетъ въ Москвѣ цѣлый штатъ
придворныхъ должностей. Царица Софія съ неудовольствіемъ въ тече-
ніе семи лѣтъ сносила позоръ татарскаго ига. Она, по свид. Гербер-
штейна, очень досадовала на это, ежедневно упрекала своего мужа, что
онъ вышелъ замужъ за раба татаръ, и старалась смягчить унижительные

обряды въ отношеніи татаръ. По ея настоянію великій князь рѣшился и на окончательное сверженіе ига. Въ этомъ стремленіи царицы Софіи сошлись съ давнишними чаяніями русскихъ князей и съ политическими взглядами представителей русской публицистики (стр. 65). А вотъ и взглядъ Ключевского. „Вмѣстѣ съ расширеніемъ пространства дѣйствія московскій царь началъ усвоить своей власти и болѣе высокое значеніе, чему много помогъ бракъ Іоанна съ племянницей послѣдняго византійскаго императора Соф. Палеолога. Въ московскихъ дипломатическихъ бумагахъ съ этого времени является новый титулъ моск. государя, въ которомъ отразился его взглядъ на свою власть и свое значеніе. Въ этомъ титулѣ (царь) выразились двѣ основныя политическія идеи, усвоенныя моск. государемъ: мысль о московскомъ государѣ, какъ о національномъ властителѣ всей Русской земли, и мысль о немъ, какъ о политическомъ и церковномъ преемникѣ византійскихъ императоровъ.... Почувствовавъ себя и по политическому могуществу, и по православному христіанству преемникомъ павшихъ византійскихъ императоровъ, московскій государь нашелъ и наглядное выраженіе своей династической связи съ ними: съ конца XV в. на его печатяхъ появляется византійскій гербъ—двуглавый орелъ“.

Но ни свидѣтельство лицъ близкихъ къ эпохѣ, ни мнѣнія столькихъ авторитетовъ не убѣждаютъ г. Савву: онъ отрицательно относится къ вліянію Софіи на мужа, къ появленію при моск. дворѣ пышнаго этикета, новыхъ чиновъ и должностей, благодаря этому вліянію, не придаетъ значенія браку Івана III съ виз. принцессой относительно византійскаго вліянія на укрѣпленіе идеи царской власти московскихъ государей. Почему же? Можетъ быть, автору попались новыя историческія данныя, которыя вполнѣ подрываютъ свидѣтельства Герберштейна, Берсена и Курбскаго и упомянутыя мнѣнія историковъ? На эти вопросы можно отвѣтить только отрицательно: авторъ въ своей полемикѣ на 40 страницахъ довольствуется одними соображеніями, сопоставленіями и разсужденіями, нисколько не убѣдительными и ничего не доказывающими, а ссылки на Контарини и Кодина совсѣмъ не основательны. Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ, чтобы видѣть, къ какимъ софистическимъ приѣмамъ прибѣгаетъ г. Савва съ цѣлью что-нибудь опровергнуть. Напр. Герберштейнъ, Татищевъ и Густынская лѣтопись свидѣтельствуютъ о вліяніи Софіи на Івана III въ дѣлѣ сверженія татарскаго ига. На стр. 28 авторъ говоритъ: „У Татищева находится *неизвѣстно* (?) откуда почерпнутое имъ извѣстіе, будто, когда Іванъ III сообщилъ своимъ матери, дядѣ, князьямъ и боярамъ о требованіи отъ него покорности и дани ханомъ Ахматомъ, многіе посовѣтовали ему

читать хана дарами, Софья же съ плачемъ стала убѣждать своего супруга свергнуть постыдное татарское иго“. „Князь великій, читаемъ у Татищева, весьма удивился совѣту ея“. Это извѣстіе, по мнѣнію автора, вѣрно, п. ч. Иванъ не могъ быть удивленнымъ совѣтомъ Софіи, такъ какъ, по свидѣтельству Герберштейна, Софія давно тяготилась отношеніями своего супруга къ золотой ордѣ и явно роптала на нихъ. Но Савва въ то же время и не вѣритъ свидѣтельству Герберштейна, что Софія еще прежде нашествія Ахмата побуждала своего супруга избавиться отъ татарскаго ига, ежедневно упрекая его за данническія отношенія. „Очевидно, пишетъ авторъ (стр. 31, 55), Софія никогда до этого времени не убѣждала своего супруга прекратить данническія отношенія къ Золотой ордѣ, въ противномъ случаѣ Иванъ (какъ свид. Татищевъ) не удивился бы ея совѣту“. Это одинъ курьезъ, а вотъ и другой. „Еслибы Софія, пишетъ г. Савва, сильно желала сверженія татарскаго ига, какъ это можно заключить изъ рѣчи ея къ Ивану III, сообщаемой Татищевымъ, то она не стремилась бы подалѣе отъ Москвы, но находилась бы въ ней, чтобы поддержать въ супругѣ навѣянную ея рѣчью рѣшимостьступить въ борьбу съ Ахматомъ“. Но откуда же извѣстно, что Софія стремилась уйти изъ Москвы, когда мы знаемъ, что самъ Иванъ въ моментъ нашествія Ахмата услалъ ее съ своею казною на сѣверъ. Очевидно, г. Савва только тогда повѣрилъ бы сильному желанію Софіи избавиться отъ татарскаго ига, еслибы она съ мечемъ въ рукахъ отправилась бы на Угру, но этого нельзя требовать отъ нея, когда самъ Великій князь туда пришелъ, увидѣлъ и убѣжалъ.

На стр. 23 авторъ приводитъ мнѣніе о. Пирлинга о вліяніи Софіи на своего супруга, которое выразилось въ томъ, что „при патріархальномъ, почти грубомъ московскомъ дворѣ, появился пышный этикетъ, издали напоминающій византійскій, устраиваются новыя должности, подчиненныя строгой іерархіи; принужденіе замѣняетъ прежнюю свободу, государь становится менѣе доступнымъ, замкнутымъ въ своемъ величіи“. Такое заключеніе о. Пирлинга, замѣчаетъ Савва, не оправдывается свидѣтельствомъ венец. посла Контарини, отправленнаго въ Персію, который былъ въ Москвѣ въ 1476 г. и имѣлъ нѣсколько аудіенцій при московскомъ дворѣ. Ссылка въ данномъ случаѣ на Контарини должна произвести впечатлѣніе въ пользу автора, но только потому, что послѣдній скрылъ при этомъ самое главное: Иванъ III принималъ въ лицѣ Контарини не посла, а только частнаго человѣка, случайно попавшаго въ Москву, котораго московскіе купцы выкупили у татарскаго хана изъ плѣна и, значитъ, ни въ какомъ случаѣ Иванъ III не могъ удостоить Контарини торжественнаго приема.

Относительно появленія новыхъ чиновъ г. Савва пишетъ: „Приписывая вліянію Софіи появленіе пышности и обрядовъ при дворѣ Ивана III, естественно было этому же вліянію приписать появленіе новыхъ чиновъ, что, какъ мы видѣли, нѣкоторые изслѣдователи послѣ Карамзина и дѣлали. Но такое заключеніе нуждается въ доказательствахъ“. Но самъ авторъ и не доказываетъ и не опровергаетъ категорически, а говоритъ только: „врядъ ли для объясненія появленія при дворѣ Ивана III чиновъ—казначей, постельничаго, ясельничаго и конюшаго необходимо имѣть въ виду византійское вліяніе“. При этомъ авторъ знакомитъ насъ съ табелью о рангахъ византійскаго двора по Кодину. Но что этотъ документъ доказываетъ? Вѣдь никто изъ историковъ и не говоритъ, что Софія принесла съ собою византійскую табель о рангахъ и что Иванъ III копировалъ ее. И современники и историки замѣчаютъ только о появленіи при дворѣ Ивана новыхъ чиновъ и указываютъ на связь оныхъ съ женитьбою этого государя на византійской принцессѣ. Значитъ, чтобъ опровергнуть эту связь, нужно прежде всего сравнить чины и должности при Иванѣ III въ первую половину его княженія съ чинами и должностями во второй половинѣ. Но авторъ этого не дѣлаетъ. Затѣмъ, что же показываетъ табель Кодина? Она содержитъ, говоритъ Савва, названія болѣе 70 чиновъ; *нѣкоторые* изъ этихъ ко времени Кодина не несли никакихъ обязанностей“. Выраженіе „нѣкоторые“ совершенно не точно: на самомъ дѣлѣ 23 чина, почти треть, не несли обязанностей, и значитъ, Ивану не было никакой надобности вводить эти чины и при своемъ дворѣ. Затѣмъ семь чиновъ несли службу во флотѣ, но вѣдь въ Россіи тогда совсѣмъ не было флота; нельзя также искать при дворѣ Ивана такихъ чиновъ, какъ Великій Конто-ставль—начальникъ франковъ, Аколуфъ—начальникъ варяговъ, Логаріастъ—казначей наемныхъ войскъ, какъ предсѣдатель Влахернскаго дворца. Далѣе четыре чина несли церемон. обязанности, но въ Москвѣ эти обязанности возлагались на окольничихъ и т. д.

На стр. 41 авторъ задается вопросомъ—могла ли вообще Софія быть проводникомъ византійскихъ идей? Прямого отвѣта она не даетъ, но замѣтимъ, что склоняется скорѣе къ отрицательному отвѣту. Въ одномъ мѣстѣ Савва говоритъ, что Софія не была свидѣтелемъ блеска и величія византійской имперіи,—въ другомъ, что жизнь ея въ Римѣ врядъ ли располагала ее къ развитію въ себѣ какихъ либо гордыхъ помысловъ. (44 стр.) Все это только предположенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ ослабить ни мнѣнія историковъ, ни свидѣтельствъ источниковъ. Софія несомнѣнно была образованной женщиной, никогда не забывала и всегда чувствовала высоту своего про-

исхожденія. „Въ Троицѣ-Сергіевомъ монастырѣ хранится шитая золотая пелена собственнаго рукодѣлія Софіи; она была вышита въ 1498 г.“ Упомянувъ объ этомъ издѣліи, проф. Ключевскій замѣчаетъ: „Въ 26 лѣтъ замужества Софѣя, кажется, пора было забыть про свое дѣвичество,—однако въ подписи на пеленѣ она все еще величаетъ себя царевной цареградской, а не великой княгиней московской“.

Г. Савва, приводя извѣстную бесѣду Берсеня съ Максимомъ Грекомъ, пишетъ: „Изъ словъ Берсеня вытекаетъ, что вліяніе Софіи Палеологъ проявилось не на супругѣ ея, но на сынѣ“ (стр. 36). Но вѣдь Берсень прямо говоритъ: „Какъ пришла сюды мати В. князя В. кн. Софія съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалась и пришли нестроения великіе....“

Чтобы закончить разборъ этой первой главы, я еще приведу одно мѣсто для характеристики полемическихъ приемовъ г. Саввы. На стр. 35 читаемъ: „Никто изъ русскихъ историковъ не отрицаетъ государя Ивана III, его умѣнья продолжать съ успѣхомъ дѣла своихъ предшественниковъ, но, если рѣчь пойдетъ о вліяніи Софіи на супруга ея, вліяніе это изображается столь сильнымъ, что на долю личной инициативы Ивана остается очень небольшое; *оказывается, что все, что дѣлалось Иваномъ III постъ брака съ Софіей, дѣлалось подъ ея вліяніемъ и было результатомъ этого вліянія....*“ На самомъ дѣлѣ, какъ всѣмъ извѣстно, никто изъ историковъ такъ не думаетъ, и авторъ просто навязываетъ имъ такое крайнее мнѣніе.

Вообще даже изъ разбора первой главы книги „Моск. цари и виз. василевсы“ я пришелъ къ убѣжденію, что на автора ея не всегда можно положиться.

Во второй главѣ „Пространство и характеръ власти византійскаго императора“ авторъ передаетъ разные взгляды на характеръ отношеній византійскаго императора къ церкви. „Отношенія эти, заключаетъ Савва, неодинаково понимаются русскими и западно-европ. изслѣдователями исторіи греко-восточной церкви“. Но приводитъ мнѣнія объ этомъ предметѣ только русскихъ изслѣдователей—профессоровъ Курганова, Лебедева и Остроумова, изложенныя на одной страницѣ. Не знаю почему, но авторъ въ данномъ случаѣ совершенно игнорируетъ изслѣдованіе по тому же предмету Скабалановича. („Виз. государство и церковь въ XI в.“). Затѣмъ на 16 страницахъ сообщаются „тѣ случаи, когда императоры византійскіе усвоили себѣ и имъ усвоилось такое положеніе въ церкви, какого моск. государи никогда не занимали“. Но чтобы читатель могъ сдѣлать сравненіе, авторъ не приводитъ параллельно такихъ же случаевъ для характеристики отношенія къ церкви московскихъ

государей. Далѣе на 12 страницахъ идетъ описаніе выходовъ императоровъ въ праздничные дни въ храмъ св. Софіи и при этомъ въ примѣчаніи авторъ заявляетъ, что этотъ очеркъ составленъ по изложенію проф. Бѣляева. На самомъ же дѣлѣ эти 12 страницъ буквально списаны у Бѣляева съ опущеніемъ объясненій этого изслѣдователя и перемѣняя только въ словахъ множественное число на единственное т. е. Бѣляевъ описываетъ выходъ царей, а г. Савва выходъ императора. Тутъ же для сравненія слѣдовало описать выходы москов. царей въ Успенскій Соборъ, но этого нѣтъ, а авторъ голословно замѣчаетъ: „Съ такими выходами византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи не имѣютъ ни малѣйшаго сходства богом. выходы въ храмъ моск. государей“ и при этомъ ссылка на „Дом. бытъ р. царей“ Забѣлина. Что же мы читаемъ у послѣдняго? „Благочестивые московскіе цари, говоритъ Заб., подобно императорамъ византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подраженіе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ Церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церк. празднествамъ еще болѣе блеска и торжественности. Государь являлся народу въ неслышанномъ великолѣпіи, которое засвидѣльствовано даже всѣми иностранцами, видѣвшими подобные выходы“.

Если авторъ думаетъ, что вообще въ церковно-гражданскихъ обрядахъ наглядно выражается идея власти виз. императоровъ и идея власти москов. царей и что по этимъ обрядамъ мы можемъ составить себѣ понятія о власти тѣхъ и другихъ, то чинъ вѣнчанія на царство долженъ имѣть въ этомъ отношеніи, какъ матеріалъ, преимущественное значеніе предъ всѣми другими обрядами. Этому предмету авторъ посвящаетъ четвертую главу своего изслѣдованія. Мнѣ кажется, что она является главною частью работы г. Саввы, такъ сказать, гвоздемъ его книги, особенно если имѣть въ виду ту мысль, которую авторъ проводитъ въ своемъ сочиненіи.

Познакомившись ближе съ этою главою, я пришелъ къ убѣжденію, что г. Савва взялся за дѣло съ слишкомъ малою къ тому подготовкою. Тутъ, что ни шагъ—вызываетъ вопросъ, что ни положеніе—требуетъ еще доказательствъ, предварительнаго основательнаго изслѣдованія.

Прежде всего авторъ принялъ на вѣру легенду, въ сущности ни на чемъ не основанную, что будто-бы русскіе князья были столбниками визант. императоровъ (стр. 121), что по этому они и не могли быть вѣнчаны по чину вѣнчанія василевсовъ, а дошедшіе до насъ послѣ паденія Визант. имперіи чины вѣнчанія Дим. Ивановича и Ивана Грознаго произошли изъ чина Кесарской хиротоніи. Мысль г. Саввы объ

Этот предметъ можно формулировать такимъ образомъ: кто-то, когда-то по какому-то поводу составилъ для русскихъ князей чинъ вѣнчанія; какимъ-то образомъ оный появился на Руси и русский В. кн. Иванъ III въ 1498 г. рѣшилъ вѣнчать по этому чину своего внука Дим. И—ча. Для сравненія обряда вѣнчанія внука Ивана III съ кесарской хиротоніей авторъ приводитъ тексты вѣнчанія и хиротоніи: первый заимствованъ изъ книги Барсова (именно тотъ, который находится на стр. 32—38 Древн. Русс. Пам—овъ), а второй изъ De Cerem. Конст. Багрянороднаго. На самомъ дѣлѣ мы еще не знаемъ, по какому чину вѣнчался Д. И—чъ и есть серьезныя основанія думать, что не по этому чину было вѣнчаніе въ 1498 г. Допустимъ однако, что Барсовъ напечаталъ настоящий чинъ вѣнчанія внука Ивана III и посмотримъ въ чемъ авторъ находитъ сходство между этимъ чиномъ и кесарской хиротоніей. Сходство имъ указываемое чисто внѣшнее; г. Савва не касается внутреннего смысла того и другого актовъ, а потому и приходитъ къ заключенію совершенно невѣрному. Руководясь приѣмомъ автора, можно указывать сходство чина вѣнчанія съ чиномъ посвященія дьякона въ священники, да еще съ большимъ правомъ уже по одному тому, что какъ вѣнчаніе, такъ и посвященіе въ священники обязательно происходятъ въ церкви, тогда какъ кесарская хиротонія—въ император. палатѣ. Между тѣмъ изъ такого неточнаго сопоставленія авторъ дѣлаетъ слишкомъ серьезныя заключенія. На стр. 128 онъ говоритъ: „Обрядъ импер. визант. вѣнчанія, рѣзко отличаясь не только отъ чина великокняжескаго вѣнчанія внука Ивана III, но и отъ чиновъ москов. государей, наглядно рисуетъ идею власти визант. императора“. Первый чинъ царскаго вѣнчанія, по мнѣнію автора, совершенъ надъ Иваномъ Грознымъ въ 1547 г. и указываетъ этотъ чинъ, ссылаясь на С. Гос. Гр. и Д. т. 11 стр. 41. Но достаточно благо взгляда на этотъ документъ, чтобъ утвердительно сказать, что это не чинъ вѣнчанія, а только запись о вѣнчаніи. Г. Савва совершенно голословно утверждаетъ, что чинъ вѣнчанія Грознаго есть передѣлка чина вѣнчанія Димитрія Ив—ча (157 стр.) Во первыхъ, мы не знаемъ, по какому чину вѣнчался Грозный, и потому, во вторыхъ, и не имѣемъ пока права сравнивать оный съ чиномъ вѣнчанія виз. императоровъ. Но въ то же время есть историческія данныя, чтобъ разрѣшить вопросъ о вѣнчаніи Ивана Васильевича, но авторъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Мнѣ кажется, что еслибъ г. Савва повнимательнѣе познакомился съ нѣкоторыми дошедшими до насъ чинами вѣнчанія русскихъ государей и въ то же время воспользовался нѣкоторымъ другимъ историческимъ матеріаломъ, имѣющимъ отношеніе къ этому предмету, то онъ сталъ бы въ своемъ изслѣдованіи на настоящую дорогу. Рав-

нымъ образомъ, говоря о чинахъ вѣнчанія на Руси, нельзя не коснуться вѣнчаній на царство въ Болгаріи и Сербіи, особенно, когда намъ извѣстно о происхожденіи нашихъ богослужебныхъ книгъ. Вообще же нельзя не замѣтить, что какъ въ описаніи богомольныхъ выходовъ визант. императоровъ, такъ и въ описаніи ихъ коронацій авторъ все вниманіе обращаетъ на внѣшнюю сторону актовъ, не касаясь ихъ внутренняго смысла, а потому и дѣлаетъ изъ такого матеріала заключенія противныя тѣмъ, которыя слѣдовало бы сдѣлать.

Иное впечатлѣніе производитъ вторая половина книги г. Саввы, именно главы VI и VII, въ которыхъ трактуются о московскомъ посольскомъ обрядѣ и доказательствахъ, представлявшихъ моск. государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ. Авторъ и тутъ остается вѣрнымъ своей тенденціи, т. е. не признаетъ никакого вліянія Византіи и на образованіе москов. посольскаго обряда, но приводимыя имъ доказательства мало убѣдительны. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ доказать сопоставленіе обряда приѣма византійскими императорами иноземныхъ пословъ по De Cer. a. Byz. въ половинѣ X в. съ москов. посольскимъ обрядомъ, практиковавшимся во второй половинѣ XV в. и послѣ? Вѣдь за пять вѣковъ много воды утечетъ. Иное дѣло, еслибъ автору удалось найти посольскій обрядъ Византіи отъ 15 или по крайней мѣрѣ отъ 14 в. Тогда сопоставленіе было бы дѣломъ возможнымъ.

Въ VI гл. г. Савва приходитъ къ заключенію, что „основныя черты москов. посольскаго обряда были такія же, какъ и на западѣ Европы“ (стр. 270). Но авторъ нигдѣ не указываетъ, какой же посольскій обрядъ практиковался въ западно-европ. государствахъ. Для иллюстраціи своей мысли ему слѣдовало бы привести какой-нибудь конкретный случай приѣма, напр. во Франціи посла отъ св. Рим. Имперіи.

Тѣмъ не менѣе не смотря на упомянутыя недостатки въ этихъ главахъ, послѣднія изложены довольно обстоятельно и особенно послѣдняя глава, гдѣ авторъ является господиномъ своего дѣла.

Въ заключеніе своей рецензіи считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее. Авторъ книги „Москов. цари и византійскіе василевсы“ поставилъ себѣ слишкомъ обширную задачу и не могъ выполнить ее какъ слѣдуетъ, во первыхъ потому, что для облегченія такой работы нѣтъ еще предварительныхъ серьезныхъ изслѣдованій въ нашей историч. литературѣ по нѣкоторымъ вопросамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ его задачѣ; а во вторыхъ авторъ, вѣроятно по неопытности, слишкомъ много обращалъ вниманіе на увеличеніе ссылокъ въ своей книгѣ на такіе источники, какъ De Ceremoniis Констант. Багрянороднаго, на глоссарій Дюканжа, комментарий Рейске. Забота объ этомъ отвняла у

г. Саввы несомнѣнно слишкомъ много времени, а между тѣмъ экскурсіи въ упомянутые источники были предприняты по большей части безъ всякой надобности, п. ч. почти всѣ эти ссылки уже сдѣланы проф. Бѣлевымъ въ его прекрасномъ трудѣ „Byzantina“ и прекрасно имъ использованы. Если г. Савва сдѣлалъ въ своемъ трудѣ до 130 ссылокъ на Byzantina, то, еслибъ прибавилъ еще сотню ссылокъ на то же сочиненіе, ему никто не поставилъ бы этого въ вину. Зачѣмъ искать то, что уже найдено.

Тѣмъ не менѣе г. Савва много потрудился надъ своей книгой, обнаружилъ въ ней большую начитанность, способности, прилежаніе и любовь къ дѣлу—а это самое главное—и потому я увѣренъ, что русская историческая наука найдетъ въ немъ и въ будущемъ хорошаго работника.

Я считаю возможнымъ допустить разбираемое мною сочиненіе г. Саввы въ качествѣ магистерской диссертациі къ публичной защитѣ.

П. Буцинскій.

Въ историко-филологическій факультетъ.

Профессора Шепелевича

РАПОРТЪ.

На соисканіе медали за сочиненіе на тему, предложенную факультетомъ въ 1901 г. „Переводы стихотвореній Гете на русскій языкъ“, поступила работа подъ девизомъ: „Non semper aiunt enitendum ut omnia omnino verba in eum, in quem dicta sunt, modum vertamus (Gellius)“. Разсматриваемое сочиненіе, обширное по объему (282 с.), состоитъ изъ введенія (о переводахъ стихотвореній Гете на русск. яз. и Вліяніе Гете и идей періода *бури и натиска* на русскую литературу) и 16 главъ, посвященныхъ разбору и сравнительной оцѣнкѣ переводовъ стихотвореній Гете на русск. яз. Основныя особенности разсмотрѣннаго мною сочиненія состоятъ, на мой взглядъ въ слѣдующемъ:

1) Введеніе представляетъ вѣрную и правильную характеристику тѣхъ явленій, которыми интересуется авторъ. Литература вопроса обслѣдована съ достаточной полнотой, а изложеніе отличается ясностью. Авторъ занимался не только въ харьковскихъ, но и въ московскихъ книгохранилищахъ.

2) Специальная часть работы: оцѣнка сравнительнаго достоинства переводовъ стихотвореній Гете выполнена съ большимъ трудолюбіемъ,

добросовѣстностью и послѣдовательностью. Труда въ эту часть работы положено не мало. Авторъ, по моему мнѣнію, даетъ вѣрную оцѣнку переводовъ стихотвореній Гете и изобличаетъ довольно зрѣлое художественное и стилистическое чутье. Его прозаическіе переводы, за несущественными исключеніями, вполне удовлетворительны.

3) Авторъ коснулся совершенно новой темы и обработалъ ее самостоятельно, осторожно, безъ отклоненій въ сторону.

4) Авторъ упустилъ изъ виду необходимость нѣкоторыхъ заключительныхъ обобщеній и свѣдѣній о переводчикахъ Гете; послѣднія могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ на тѣ условія, при которыхъ тѣ или другіе наши писатели интересовались и занимались Гете. Приведенныхъ въ I-й гл. свѣдѣній объ этомъ вопросѣ я считаю недостаточными.

Принимая во вниманіе достоинства рассматриваемаго сочиненія подѣ девизомъ „Non semper“ и пр., указанные въ первыхъ трехъ пунктахъ рапорта, я считалъ бы справедливымъ вознаградить трудолюбиваго автора за его добросовѣстную и хорошо выполненную работу золотой медалью. Желательно также напечатаніе нѣкоторыхъ главъ работы въ „Унив. зап.“.

4-го Декабря
1901 г.

Орд. Проф. Шепелевичъ.

Рецензія на сочиненіе подѣ заглавіемъ „Договоръ страхованія по русскому праву“ подѣ девизомъ „Счастливъ тотъ, кто можетъ привести въ связь начало своей жизни съ концомъ“, представленное на соисканіе медали.

Означенное сочиненіе состоитъ изъ введенія и семи главъ, довольно обширныхъ по объему и весьма интересныхъ по содержанію. Въ виду отсутствія у насъ систематическаго законодательства о страхованіи, авторъ предпринялъ подробное изученіе и разработку уставовъ дѣйствующихъ въ Россіи страховыхъ обществъ и построилъ на этомъ, съ помощью сенатской практики, иностраннаго законодательства и имѣющейсѣ литературы предмета, стройную систему дѣйствующаго у насъ страхового права. Работа исполнена съ большою любовью и знаніемъ дѣла. Авторъ собралъ (что стоило ему, конечно, большихъ трудовъ и хлопотъ) большой матеріалъ для своего сочиненія не только въ видѣ уставовъ всѣхъ дѣйствующихъ и даже закрытыхъ страховыхъ обществъ, но и въ видѣ страховыхъ полисовъ и полисныхъ условій этихъ обществъ, приложивъ ихъ къ своему труду. Кромѣ того онъ поль-

назався обширной литературой предмета на трехъ иностранныхъ языкахъ, иностранными торговыми кодексами, проектомъ нашего гражданского уложенія, подлинными сенатскими рѣшеніями и всею имѣющеюся въ настоящее время русскою литературою, относящеюся къ договору страхования. Пользованіе первоисточниками вполнѣ самостоятельное, къ литературѣ авторъ относится критически, вполнѣ сознательно, пользуется ею добросовѣстно, вездѣ имѣются ссылки, цитаты. Съ нѣкоторыми положеніями автора, конечно, можно несоглашаться, но въ общемъ они вѣрно и хорошо обоснованы. Имѣются кое-какіе пробѣлы. Иностранная литература не вполнѣ исчерпана (чего впрочемъ по темѣ и не требовалось), матеріалъ не всегда удачно расположенъ. Но эти недостатки совершенно несущественны и не могутъ умалять крупныхъ достоинствъ разбираемаго труда, тема котораго въ нашей литературѣ едва затронута. Сочиненіе безусловно заслуживаетъ золотой медали. Въ виду же исключительно интересной разработки авторомъ темы и обширности собраннаго имъ матеріала, желательно было бы, чтобы авторъ свое сочиненіе издалъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Новизна темы придаетъ названному труду большой общественный интересъ.

Проф. П. П. Мигулинъ.

Рецензія на сочиненіе подъ заглавіемъ „Договоръ страхования по русскому праву“ подъ девизомъ „Non scholae, sed vitae discimus“, представленное на соисканіе медали.

Сочиненіе—обширное, построено авторомъ на изученіи уставовъ дѣйствующихъ у насъ страховыхъ обществъ, но въ значительной степени подъ влияніемъ имѣющихся на русскомъ языкѣ пособій, особенно книги Ноткина: „Страхование имуществъ по русскому законодательству“. Авторъ знакомъ нѣсколько и съ иностранной литературой, пользуется иногда сравнительнымъ методомъ, изложеніе хорошее, разработка предмета очень подробная. Къ недостаткамъ относятся: недостаточная самостоятельность автора, недостаточное умѣніе разобраться въ литературѣ предмета, неудачное расположеніе матеріала и проч. Но во всякомъ случаѣ работа исполнена вполнѣ добросовѣстно, трудъ за нее положенъ большой, всѣ требованія, предъявленныя при назначеніи темы, выполнены, и сочиненіе вполнѣ и безусловно заслуживаетъ серебряной медали.

Проф. П. П. Мигулинъ.

Отзывъ приватъ-доцента Н. А. Максимейко о сочиненіяхъ, представленныхъ на соисканіе преміи Палюмбецкаго, подъ заглавіемъ: „Мѣстное управленіе Московскаго государства въ XV и XVI вѣкахъ“.

1) Первое сочиненіе имѣетъ слѣд. девизъ: „исторія русскаго права нашего времени только теорія, а не наука, въ смыслѣ системы прочно обоснованныхъ и общепризнанныхъ фактическихъ положеній“.

Авторъ этого сочиненія обстоятельно излагаетъ систему управленія провинцій черезъ посредство намѣстниковъ и волостелей, губное самоуправленіе и наконецъ земскія учрежденія. Онъ удачно расчленяетъ въ должности намѣстниковъ и волостелей частноправные и публичные элементы, не впадая въ ту или другую крайность при характеристикѣ названныхъ должностныхъ лицъ; что касается губныхъ и земскихъ учрежденій, то онъ подчеркиваетъ ихъ приказно—повинностный характеръ, въ чемъ обнаружилось ихъ государственно-публичное значеніе. Далѣе организація мѣстнаго управленія приведена въ связь съ политикой московскаго правительства относительно вновь присоединяемыхъ областей, политикой, которая клонилась къ уничтоженію областныхъ особенностей, посредствомъ искусственнаго дѣленія государственной территоріи, и къ поставленію провинцій въ непосредственное отношеніе къ Москвѣ. Наконецъ, авторъ сочиненія обнаруживаетъ полное знакомство съ памятниками законодательства, относящимися къ данному вопросу, и съ литературой предмета; причемъ къ литературнымъ мнѣніямъ онъ относится вполне самостоятельно и созвательно.

Поэтому автора разбираемаго сочиненія я считаю достойнымъ искомой преміи.

2) Второе сочиненіе имѣетъ девизъ: „Топи жизнь въ дѣятельности“

Центральная часть этого сочиненія посвящена вопросу объ устройствѣ и дѣятельности различныхъ мѣстныхъ учрежденій въ Московскомъ государствѣ 15 и 16 вв. Эта часть изложена довольно полно и удовлетворительно. Нельзя того же сказать о введеніи (стр. 7—11) и заключеніи (стр. 94—108). Введеніе, рассматривающее древнѣйшую исторію мѣстнаго управленія, содержитъ въ себѣ рядъ произвольныхъ и поверхностныхъ замѣчаній. Что же касается заключенія, то въ немъ дается крайне односторонняя характеристика намѣстниковъ и волостелей: авторъ категорически утверждаетъ, что управленіе ихъ всецѣло было построено на началахъ частнаго права, судъ и администрація рассматривались, какъ частная собственность намѣстниковъ и волостелей.

На основаніи сказаннаго я не считаю возможнымъ назначить премію автору второго сочиненія.

Н. Максимейко.

7 Апрѣля 1902 г.

Рецензія о сочиненіи подъ девизомъ: „Feci quod potui faciant meliora potentes“,
на премію имени пр. Д. И. Каченовскаго.

Настоящая работа представляетъ добросовѣстное и сознательное
изложеніе относящихся къ даннымъ вопросамъ частей изъ сочиненій,
главнымъ образомъ, пр. Мартенса (о правѣ частной собственности etc.),
Линевскаго (Историческій очеркъ нейтралитета etc.), Ортолана (Морское
международное право).

Авторъ не пользовался новѣйшими работами и это отразилось на
принимаемыхъ имъ опредѣленіяхъ. Замѣтно основательное знакомство ав-
тора съ изучаемымъ имъ важнѣйшимъ отдѣломъ морского междунаро-
днаго права. Нѣкоторыя, немногочисленные ошибки не нарушаютъ об-
щего впечатлѣнія серьезной и трудолюбивой работы, которая, по моему
мнѣнію, заслуживаетъ преміи.

Привать-доцентъ В. Ястржембскій.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Договоръ страхованія по русскому праву

(тема по торговому праву).

Студента Владимира Идельсона.

Источники и пособія.

Въ виду отсутствія въ нашемъ сводѣ законовъ общихъ постановленій о страховомъ договорѣ (кромѣ общаго опредѣленія—ст. 2199 т. X ч. 1), для изученія этого договора по русскому праву необходимо обратиться къ Уставамъ и полиснымъ условіямъ дѣйствующихъ въ Россіи страховыхъ обществъ, къ законамъ о морскомъ страхованіи (т. XI ч. 2 ст. 538—388), къ судебной практикѣ и обычному праву. Для сравненія русскаго страхового права съ иностраннымъ могутъ служить кромѣ источниковъ (кадексовъ, уложеній, полисовъ и т. п.) нижепоименованныя работы. Авторъ, для сравненія русскаго права съ иностраннымъ обращался къ германскому, французскому, англійскому, итальянскому и (рѣже) бельгійскому праву. Для этой цѣли служили:

Code de Commerce Français (Paris, 1896).

Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch (Berlin, 1897, Ausgabe Guttentag).

Codice di Comercio del Regno d'Italia (Milano, 1890).

Бельгійскій *Code de Commerce* (Paris, 1891).

Англійское право, какъ извѣстно, не кодифицировано. Авторъ знакомъ съ нимъ, главнымъ образомъ, по пособіямъ и лишь частью—по источникамъ (полисы, коносаменты и т. п.).

Кромѣ того, авторъ имѣлъ:

Andersen Die Sceversicherung nach den in den hauptsächlichen Staaten Europas geltenden gesetzlichen und anderen Bestimmungen. Hamburg, 1888.

Для нѣкоторыхъ справокъ небезполезна частью совершенно устарѣвшая книга:

St. Joseph (Antoine de) Concordance entre les codes de Commerce étrangers et le Code de Commerce français. Paris, 1851.

Пособія.

I. Курсы и учебники.

- Cosack.* Lehrbuch des Handelsrechts. Stuttgart, 1898.
Goldschmidt. System des Handelsrechts. Stuttgart, 1891.
Endemann. Handbuch des deutschen Handels-See-und Wechselrechts B. III (Leipzig, 1885) und B. IV (Leipzig, 1884).
Thöl. Das deutsche Handelsrecht. Göttingen, 1854.
Endemann. Das deutsche Handelsrecht. Heidelberg, 1876.
Lyon-Caen et Renault. Traité de droit commercial t. VI. Paris, 1896.
Lyon-Caen et Renault. Manuel de droit commercial. Paris, 1894.
Th. Holland. The Elements of Jurisprudence. Gth Ed. Oxford, 1900.
Шершеневичъ. Курсъ торгового права. Казань, 1899.
Нерсесовъ. Торговое право. Москва, 1896.
Цитовичъ. Учебникъ торгового права. В. I. Киевъ, 1891.
Побьдоносцевъ. Курсъ гражданского права. Т. III. Спб., 1896.
Мейеръ. Русское гражданское право. Спб., 1897.
Кавелинъ. Права и обязанности. Спб., 1879.

II. Журнальные статьи.

- Брандтъ.* О страховомъ отъ огня договорѣ (въ „Журналѣ гражданского и уголовного права“ за 1875 г., книги 3 и 4).
Malss. Studien über Versicherungsrecht, insbesondere über Feuer- und Lebensversicherung (въ Goldschmidts Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht). B. VI. Erlangen, 1863.
Endemann. Das Wesen des Versicherungsgeschäfts (ibid.). B. IX. Erlangen, 1866.

III. Специальные работы.

- Вишнъ.* Договоръ морского страхованія по русскому праву. Спб., 1869.
Степановъ. Опытъ теоріи страхового договора. Казань, 1875.
Ноткинъ. Страхованіе имуществъ по русскому законодательству. Киевъ, 1888.
Ліонъ. Договоръ страхованія по русскому праву. Москва, 1892.
Никольскій. Основные вопросы страхованія. Казань, 1896.
Cohn. Der Versicherungsvertrag nach allgemeinen Rechtsprinzipien. Breslau, 1873.

Hecker. Zur der Lehre von der rechtlichen Natur der Versicherungsverträge. Erste Abtheilung. Der Schadenversicherungsvertrag. München, 1894.

Lewis. Lehrbuch des Versicherungsrechts. Stuttgart, 1889.

Bischoff. Die Natur der Sache als Rechtsquelle im Gebiete des Versicherungsrechts. Bremen, 1895.

Hauenschild. Die Lebensversicherung nach oesterreichischem Privatrecht. Berlin, 1901.

Elster. Die Lebensversicherung in Deutschland. Iena, 1880.

Gebauer. Die sogenannte Lebensversicherung. Iena, 1895.

Malss. Betrachtungen über einige Fragen des Versicherungswesens. Frankfurt am Main, 1862.

Cauvet. Traité des assurances maritimes. Paris, 1879.

Agnel. Manuel général des Assurances. 4-e édition. Paris, 1900.

Cow. Marine Insurance. A. Handbook. London, 1897.

May. The Law of Insurance. Two volumes. Boston, 1900.

Vallebona. Commentario della polizza Italiana. Torino, 1888.

Остальные источники и пособия обозначены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

В в е д е н і е.

Границы темы.

Страховой договоръ можетъ быть предметомъ изученія различныхъ дисциплинъ. По содержанію, какъ одинъ изъ видовъ хозяйственной дѣятельности человѣка, онъ разсматривается политической экономіей; по формѣ, какъ извѣстный родъ правоотношеній, онъ изучается правомъ. Право, съ своей стороны, разбираетъ страховой договоръ съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) съ точки зрѣнія публичнаго и 2) съ точки зрѣнія частнаго права. Съ точки зрѣнія публичнаго права, договоръ этотъ трактуется полицейскимъ, уголовнымъ и финансовымъ правомъ. Частное право, въ свою очередь, разсматриваетъ страховой договоръ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, какъ извѣстный особый родъ договора между частными лицами (точка зрѣнія гражданскаго права); во-вторыхъ, какъ торговую сдѣлку (точка зрѣнія торговаго права). Мы будемъ изучать страховой договоръ съ этой послѣдней точки зрѣнія, какъ торговую сдѣлку (*acte de commerce*, *Handelsgeschäft*).

Какъ же выдѣлить объектъ нашего изученія?

Страховое право, какъ мы только что отмѣтили, стоитъ „на рубежѣ гражданскаго и торговаго права“; оно „относится къ торговому праву лишь частью, именно постольку, поскольку оно нормируетъ страхованіе за премію, а не взаимное“¹⁾. Страхованіе взаимное, чуждое началу спекулятивности—этому характерному признаку торговыхъ сдѣлокъ²⁾—относится всецѣло къ области гражданскаго права и изученію

¹⁾ „Das Versicherungsrecht bildet ein Grenzgebiet zwischen Handelsrecht und bürgerlichem Recht.... Es gehört nur zum Theil ins Handelsrecht, nämlich nur soweit als es für die Versicherung gegen Prämie, nicht dagegen soweit es für die Versicherung auf Gegenseitigkeit gilt“. *Cosack*. Lehrbuch des Handelsrechts, s. 732. Спав. *Goldschmidt*. System des Handelsrechts § 158, 7; *Lewis*. Lehrbuch des Versicherungsrechts, s. 29.

²⁾ Ср. Рѣшенія 4 Деп. Прав. Сен. за 1874 г. № 943 (по д. Крупенкина) и за 1877 г. № 350 (по д. Финогенова).

нишему здѣсь не подлежить ¹⁾. Точно также не относится къ нашей жизни изученіе обязательнаго земскаго страхованія и обязательнаго государственнаго страхованія рабочихъ, какъ актовъ государственной власти, устанавливающей силой своей извѣстное правоотношеніе (но не договоръ) между государствомъ и подданными; начало обязательности, лежащее въ основѣ указанныхъ актовъ, чуждо договорному праву и уничтожаетъ само понятіе страхового договора.

Итакъ, намъ предстоитъ изучить страховой договоръ по русскому торговому праву. Прежде всего, бросивъ общій взглядъ на исторію развитія торговаго (за премію) страхованія въ Россіи, мы укажемъ тѣ источники, изъ которыхъ познается русское страховое право. Далѣе, намъ необходимо будетъ найти мѣсто страхового договора среди другихъ договоровъ и торговыхъ сдѣлокъ—дать теорію страхового договора на основаніи общихъ принциповъ права. Затѣмъ, мы должны будемъ разсмотрѣть элементы этого договора, способы заключенія его, права и обязанности, возникающія изъ этого договора для контрагентовъ, защиту этихъ правъ. Попутно мы постараемся изложить главнѣйшія нормы законодательства и обычнаго права нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствъ и указать на сходство или особенности русскаго страхового права въ сравненіи съ иностраннымъ. Это сравнительное изученіе является необходимымъ для полнаго познанія дѣйствующихъ въ Россіи правовыхъ нормъ и обычаевъ, объясняя многія, на первый взглядъ, нелогичности и противорѣчія отечественнаго права, восполняя пробѣлы въ немъ и выясняя общіе принципы и тенденціи развитія страхового права.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, задача и методъ нашей работы. Мы вступаемъ въ эту малоислѣдованную область русскаго торговаго права съ полнымъ сознаніемъ трудности, но необходимости и важности изученія ея. Никогда еще страховой договоръ по русскому праву не обрабатывался цѣликомъ; даже отдѣльные виды этого договора не всѣ изучены: не изучены, напримѣръ, личное страхованіе, сухопутное и рѣчное. Наша работа является первой попыткой изучить страховой договоръ по русскому праву во всѣхъ главныхъ видахъ его (договора). Новизна темы и теперешнее состояніе науки русскаго тор-

¹⁾ „Теоретическое положеніе страхованія и выраженіе нашего закона „о содержаніи страховыхъ конторъ“ не допускаютъ даже предположенія о признаніи торговаго характера за взаимнымъ страхованіемъ“. *Шершеневичъ*. Курсъ торговаго права, 112. Срав. *Endemann*. Das deutsche Handelsrecht, s. 837; *Gebauer*. Die sogenannte Lebensversicherung, s. 169.

говаго права, съ одной стороны; скромныя силы автора,—съ другой объяснять неизбежныя промахи и недостатки работы.

Историческая справка.

Страхование есть созданіе новаго времени—древніе не знали его ¹⁾. Правда, зачатки страхованія хотять видѣть въ нѣкоторыхъ фрагментахъ римскихъ писателей, но мнѣніе это недостаточно обосновано ²⁾. Въ средніе вѣка мы уже встрѣчаемъ (начиная съ IX в.) морское страхованіе ³⁾. Въ XVII в. мы видимъ впервые страхованіе отъ огня и скота отъ падежа ⁴⁾, въ XVIII в.—новые виды континентальнаго страхованія и страхованіе жизни. Въ XIX в. развитіе страхованія идетъ впередъ гигантскими шагами, и въ настоящее время ясна уже тенденція этого развитія—простирать гарантію страхованія на все большую область рисковъ.

Въ Россіи, какъ и всюду, первымъ по времени было морское страхованіе. Екатерина II, озабоченная развитіемъ русской морской торговли, издала въ 1781 г. „Уставъ купеческаго водоходства“ ⁵⁾, заключающій въ себѣ постановленія о морскомъ страхованіи. Въ 1800 г. основалась первая „торговая страховая контора“ для морского страхованія; за ней послѣдовали другія, не долго, правда, существовавшія ⁶⁾. Въ 1846 г. былъ изданъ, по просьбѣ купечества, новый уставъ о морскомъ страхованіи ⁷⁾, который является также нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ; но этотъ новый уставъ, какъ и уставъ 1781 года, получилъ лишь незначительное примѣненіе, вслѣдствіе несоотвѣтствія своего потребностямъ торговаго оборота. Что касается до другихъ видовъ транспортнаго страхованія, то *рѣчное* страхованіе въ Россіи ведетъ свое начало съ 1844 г., когда учреждено было „Общество пароходства и страхованія по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ“ ⁸⁾; *сухопутное* же—съ 1852 г., когда „Россійское морское и рѣчное страховое общество“ преобразова-

¹⁾ *Agnel*. Manuel général des assurances, p. 3.

²⁾ *Lewis*, op. c., s. 1; *Степановъ*. Опытъ теоріи страхового договора, стр. 3.

³⁾ *Побѣдоносцевъ*. Курсъ гражданскаго права. Ч. III, стр. 671.

⁴⁾ *Степановъ*, op. c., стр. 8.

⁵⁾ I Полное собраніе законовъ, т. XXI, № 15825 ч. II (23 ноября 1781 г.).

⁶⁾ *Ноткинъ*. Страхование имуществъ по русскому законодательству, стр. V. *Вицынъ*. Договоръ морскаго страхованія по русскому праву, стр. 3.

⁷⁾ II Полное собраніе законовъ, т. XXI, № 20095 (у Вицына ошибочно указанъ № 20005).

⁸⁾ *Ноткинъ*, op. c., стр. VI.

лось въ „Россійское общество морского, рѣчного и сухопутнаго страхованія и транспортированія кладей“¹⁾).

Страхование отъ огня началось въ Россіи также во времена Екатерины II. Въ манифестѣ отъ 28-го іюня 1786 г. было опубликовано „объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка“. Новому банку разрѣшалось принимать въ залогъ лишь тѣ дома, которые у него не будутъ застрахованы. Для застрахованія была учреждена при банкѣ особая страховая экспедиція. Эта экспедиція просуществовала 36 лѣтъ, проявивъ за это время лишь весьма слабую дѣятельность. Въ царствованіе Павла I, при государственномъ банкѣ была открыта въ 1798 г. страховая контора для приѣма на страхъ товаровъ, каковыя до того времени на страхъ не принимались²⁾. Эта контора была упразднена въ 1806 г.³⁾ Наконецъ, послѣ неудачныхъ попытокъ правительства, частныя лица взялись за дѣло страхованія отъ огня. Въ 1827 г. былъ утвержденъ уставъ Перваго Россійскаго общества⁴⁾, а вслѣдъ за нимъ и уставовъ другихъ обществъ. Въ 1864 г. было издано „Положеніе о взаимномъ обязательномъ земскомъ страхованіи отъ огня“⁵⁾. Добровольное страхованіе отъ огня остается и понынѣ не нормированнымъ общими законодательными нормами (*lex generalis*).

Начало личному страхованію въ Россіи было положено въ 1835 г. учрежденіемъ „Россійскаго общества застрахованія капиталовъ и доходовъ“. Страхование отъ несчастныхъ случаевъ явилось позднѣе другихъ видовъ личнаго страхованія, именно въ 1887 г.⁶⁾

Страхование стеколъ началось съ конца 70-хъ годовъ, страхованіе отъ падежа—съ 1828 г.⁷⁾, страхованіе отъ градобитія—съ 1832 г.⁸⁾, страхованіе цѣнностей, перевозимыхъ по почтѣ—съ 1897 г., страхованіе отъ кражи со взломомъ—съ 1900 г.

Откуда же познаемъ мы регулирующее всѣ эти виды страхованія право?

¹⁾ Ibid., стр. IX.

²⁾ Ноткинъ, *оп. с.*, стр. XV.

³⁾ Ibid., стр. XVII.

⁴⁾ Полное собраніе законовъ, т. II, № 1202, 22 іюня 1827 г.

⁵⁾ II Полное собраніе законовъ, т. XXXIX, № 40774, 7 апрѣля 1864 г.; включено въ св. зак., т. XII, ч. I.

⁶⁾ Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, 51 полутомъ, стр. 380.

⁷⁾ Ibid., стр. 381.

⁸⁾ Ibid., стр. 382.

Источники русскаго страхового права.

Подъ источниками страхового права мы здѣсь разумѣемъ источники *частнаго* страхового права. Эти источники суть: 1) общіе законы; 2) спеціальные законы и имѣющія силу ихъ административныя распоряженія; 3) судебная практика; 4) обычное право, записанное и незаписанное и 5) право иностранныхъ государствъ.

Въ общихъ законахъ находимъ лишь двѣ статьи объ имущественномъ страхованіи вообще ¹⁾ и, въ частности, положенія о морскомъ страхованіи ²⁾. Силу спеціальныхъ законовъ по дѣламъ страховыхъ обществъ присваиваютъ ихъ уставамъ, устанавливающимъ и регулирующимъ взаимоотношенія страхователей и страховщиковъ. „Каждое общество руководствуется своимъ уставомъ, который имѣетъ значеніе спеціальнаго закона по дѣламъ того общества, которому онъ присвоенъ“ ³⁾ и который примѣняется, какъ „положительные законы“ ⁴⁾. Постановленія, регулирующія отношенія страхователя и страховщика, содержатся въ уставахъ не всѣхъ обществъ: нѣкоторые общества въ своихъ отношеніяхъ со страхователями руководствуются не пунктами устава, а полисными условіями, утверждаемыми, на основаніи выраженнаго въ уставѣ разрѣшенія, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ единолично или по сношеніи съ Министромъ Финансовъ и Министромъ Юстиціи ⁵⁾. Относительно силы этихъ полисныхъ условій Сенатъ разъяснилъ, что „полисныя условія имѣютъ силу закона“ ⁶⁾. Эти условія „въ случаѣ спора должны быть истолкованы не какъ договоры, а какъ *правительственные* постановленія“ ⁷⁾; „неправильное толкованіе полисныхъ условій, какъ неправильное толкованіе законовъ, подлежитъ провѣркѣ къ кассационномъ порядкѣ“ ⁸⁾. Но тогда какъ *уставы* страховыхъ обществъ

¹⁾ Т. X ч. 1 ст. 2199, 2200. Ст. 2199 содержитъ опредѣленіе договора имущественнаго страхованія. Ст. 2200 гласитъ: „Страховыя общества составляются по акціямъ и утверждаются на общихъ правилахъ товариществъ или съ особыми преимуществами, правительствомъ утвержденными, на основаніи ихъ уставовъ“; такимъ образомъ эта статья не вноситъ ничего новаго послѣ общихъ постановленій объ акціонерныхъ компаніяхъ (т. X ч. 1 ст. 2139—2198), особенно же послѣ ст. 2158.

²⁾ Т. XI ч. 2 (изд. 1893 г. и прод. 1895) Уставъ торг., книга II, разрядъ VI, ст. 538—588.

³⁾ Рѣшенія гражд. кассац. департ. Правит. Сен. 1872 г., № 114, 1881 г. № 118.

⁴⁾ Рѣшенія гражд. кассац. департ. Правит. Сената 1872 г., № 1124.

⁵⁾ Ср. *Уставы* страховыхъ обществъ: Помощь § 3, пр. 1, Варшавскаго § 2, пр. 1, Россія § 2, Саламандра § 51, пр. 1, Заботливость § 4.

⁶⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1878 г. № 94, 1880 г. № 15, 1884 г. № 113.

⁷⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1877 г. № 356, 1873 г. № 131, 1878 г. № 132.

⁸⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1878 г., № 94.

являются специальными законами¹⁾, — полисные условия являются лишь административными распоряжениями; этому положению не противоречит признание за ними силы закона, так как это у нас по отношению к административным распоряжениям явление общее. Полисные условия относятся к административным распоряжениям, издаваемым „въ развитіе существующаго права и въ восполненіе дѣйствующаго закона“²⁾. Да и вообще, административное распоряженіе, какъ источникъ частнаго права, у насъ встрѣчается нерѣдко³⁾. Иногда на него также принципы частнаго страхового права въ постановленіяхъ общаго права, относящихся къ страхованію⁴⁾.

Уставы и полисные условия страховых обществъ суть главные источники частнаго страхового права въ Россіи. Ими, главнымъ образомъ, придется намъ пользоваться при изученіи договора страхованія по русскому праву. Но для уразумѣнія примѣненія ихъ къ жизни необходимо обратиться къ практикѣ Сената, на долю котораго, за отсутствіемъ у насъ кодифицированнаго страхового права, выпало установленіе общихъ принциповъ этого права. При этомъ замѣчается, что нѣкоторые принципы Сенатъ устанавливаетъ твердо, и неуклонно слѣдуетъ имъ во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ⁵⁾; но часто замѣтны и случаи противорѣчій и колебанья. Такъ, признавъ въ одномъ случаѣ⁶⁾, что право контра и переоцѣнки застрахованнаго имущества во всякое время истекаетъ изъ существа договора страхованія⁷⁾, Сенатъ, въ другомъ случаѣ⁸⁾, требуетъ, чтобы право это было выражено въ уставѣ общества. Далѣе, по вопросу о примѣнимости законовъ о морскомъ страхованіи къ другимъ видамъ страхованія, Сенатъ, въ одномъ своемъ рѣшеніи⁸⁾, ссылается на эти законы, „какъ выражающіе взглядъ законодателя на

¹⁾ *Нерсесовъ*. Торговое право, стр. 111; *Анненковъ*. Система русскаго гражданскаго права, т. I (Спб., 1899), стр. 53; *Цитовичъ*. Учебникъ торговаго права, вып. I, стр. 39; *Степановъ*, ор. с., стр. 44; *Ліонъ*. Договоръ страхованія по русскому праву, стр. 20—21.

²⁾ *Градовскій*. Начала русскаго государственнаго права. Сиб., 1892, стр. 54—55.

³⁾ *Анненковъ*, ор. с., стр. 58.

⁴⁾ Ср. т. XII ч. I (изд. 1886 г.). Положеніе о взаимномъ земскомъ страхованіи, т. I ст. 32; гл. II ст. 117, 119 и т. п.

⁵⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен.: 1873 г. № 1282, 1875 г. № 237, 1879—1880 г. № 115, 1879—№ 80, 1880—№ 40, 1881—№ 118, 1882—№ 44, 1882—№ 98, 1896—№ 9. „Страхованіе не должно быть источникомъ прибыли для страхователя“).

⁶⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1880 г. № 40.

⁷⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1881 г. № 118.

⁸⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1894 г. № 26 ср. 1888 № 73.

известные вопросы“; въ другомъ же рѣшеніи ¹⁾ уже признается, что судъ правильно поступилъ, *не руководясь* законами о морскомъ страхованіи. Ссылаясь въ однихъ случаяхъ ²⁾ для объясненія пункта устава одного общества на сходный по содержанію (но лучше формулированный) пунктъ устава другого, Сенатъ, въ другой разъ ³⁾ признаетъ, что подобная ссылка не имѣетъ значенія. Кромѣ этого, замѣтна въ сенатскихъ рѣшеніяхъ невыдержанность терминологіи: страховая сумма называется иногда ⁴⁾ страховой преміей, полисъ подчасъ ⁵⁾ именуется страховымъ билетомъ и т. д.

Несмотря, однако, на отдѣльныя противорѣчія и неясности, сенатскія рѣшенія въ общемъ весьма много способствуютъ познанію русскаго страхового права, и въ сомнительныхъ случаяхъ мы не разъ обратимся къ нимъ.

Весьма важную роль въ страховомъ правѣ играютъ различныя нормы обычнаго права. Особенно важны обычаи въ морскомъ страхованіи, такъ какъ положенія о морскомъ страхованіи въ Уставѣ торговомъ и положенія объ аваріи очень устарѣли ⁶⁾. Страховыя общества, не имѣя по морскому страхованію полисныхъ условій, утвержденныхъ хотя бы административной властью, стали въ одиночку и группами составлять различныя полисы. При этомъ они пользовались нѣмецкимъ, англійскимъ, французскимъ и итальянскимъ законодательствами и торговыми обычаями этихъ народовъ, комбинируя матеріалъ сообразно съ условіями русской торговли. Въ этихъ и другихъ полисахъ по морскому страхованію находимъ различныя формулы и оговорки, значеніе которыхъ познается изъ обычая. Вообще, обычай постоянно эластизируетъ и видоизмѣняетъ уже установившіяся нормы, становясь иногда на мѣсто закона.

Такъ, въ Россіи морское страхованіе по положеніямъ Устава торговаго почти не практикуется, хотя, вслѣдствіе выгодъ, предостав-

¹⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1879 г. № 80.

²⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен.: 1886 г. № 82, 1884 № 113, 1877 № 197, 1868 № 424 (въ послѣднемъ рѣшеніи Сенатъ для толкованія пункта правилъ одного *англійскаго* общества ссылается на Уставъ Московскаго страхового общества).

³⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1873 г. № 14.

⁴⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1879 г. № 159, 1877 г. № 133.

⁵⁾ Рѣш. гражд. кассац. деп. Прав. Сен. 1878 г. № 282.

⁶⁾ Ср. *Цитовичъ*, ор. с., стр. 29; *Шершеневичъ*, ор. с., стр. 809 („Наше законодательство по аваріи воспроизвело положеніе *Ordonnance de Commerce* 1681 г.“). Положенію о морскомъ страхованіи болѣе полувѣка (см. выше).

имъ страховымъ обществамъ, усиленно ими рекомендуется¹⁾; а на мѣсто законодательства стало обычное право въ видѣ различныхъ правилъ и, особенно часто, въ видѣ „Гамбургскихъ правилъ морского страхования 1867 г.“. Далѣе, для составленія диспаша, т. е. для вычисленія размѣра убытка въ случаяхъ аваріи, диспашеръ, акты котораго „имѣютъ полную вѣру внутри и внѣ государства“²⁾, обязанъ знать всѣ правила, обряды и узаконенія, до должности диспашера касающіяся, какъ русскія, такъ и тѣхъ государствъ, съ которыми Россія имѣетъ торговые сношенія“³⁾. Къ морскому страховому праву особенно примѣнимы слова Lewis'a о томъ, что „страховое право носитъ въ себѣ характеръ международнаго обычнаго права“⁴⁾.

Въ другихъ видахъ страхования, гдѣ договоры обществъ со страхователями заключаются на основаніи утвержденныхъ законодательной или административной властью уставовъ и полисныхъ условій,—писанные обычнымъ правомъ являются различныя „инструкціи агентамъ“, „выказы“ и „циркуляры“, изъ которыхъ мы узнаемъ, какъ данный уставъ или полисныхъ условій примѣняется въ данное время страховымъ обществомъ къ практикѣ. Важность этого матеріала для знанія обычнаго права видна, между прочимъ, изъ того обстоятельство, что страховые общества всѣми силами избѣгаютъ проникновенія въ „инструкцій“ и т. п. въ публику и отказываютъ даже въ выдачѣ для просмотра⁵⁾.

Право иностранныхъ государствъ необходимо также принимать въ вниманіе при изученіи страхового права Россіи. Само наше законо-

¹⁾ „Страхование на условіяхъ по русскимъ законамъ гораздо выгоднѣе для общества, нежели страхование по гамбургскимъ правиламъ. Поэтому, агенты должны принимать страхованія по гамбургскимъ правиламъ лишь тогда, когда такіа страхованія могутъ служить развитію дѣла и упроченію сношеній съ солидными фирмами“ *Инструкція агентамъ общества „Россія“ по страхованію морскихъ транспортныхъ средствъ*. „Агенты должны принимать страхованія по русскимъ законамъ и только въ случаѣ настоячиваго требованія—по гамбургскимъ правиламъ“ (*Инструкція агентамъ С.-Петербургскаго общества*, § 8).

²⁾ *Уставъ С.-Петербургской биржи* (прил. къ ст. 592 Уст. торг.), § 186.

³⁾ *Ibid.*, § 180.

⁴⁾ Lewis, op. c., s. V (Vorwort): Das Versicherungsrecht hat den Charakter internationalen Gewohnheitsrechts.

⁵⁾ Агенты, при вступленіи на службу къ обществу выдають „обязательство“, въ которомъ заключается, между прочимъ, слѣдующее: „Всѣ инструкціи, циркуляры и выказы, а также содержаніе всѣхъ книгъ, документовъ и бланковъ, не предназначенныя для распространенія среди публики, я обязываюсь хранить въ тайнѣ, даже въ томъ случаѣ, когда по какому-либо случаю перестану быть агентомъ общества“. Сколько извѣстно, этотъ пунктъ есть въ „обязательствѣ“ всѣхъ обществъ.

дательство разрѣшаетъ въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ уст. торговымъ и полисомъ „ссылаться на правила, принятыя другими государствами“. Кромѣ того, въ виду указаннаго международнаго характера страхового права, общіе принципы его могутъ одинаково познаваться, какъ изъ отечественнаго, такъ и изъ чужеземнаго права.

Таковы наши источники. Предъ нами колоссальная масса сырого матеріала, котораго лишь недавно, да и то только частью, коснулась рука кодификатора ²⁾. Такъ какъ эта кодификаціонная попытка не стала еще закономъ, то мы должны обратиться къ самостоятельной обработкѣ матеріала съ тѣмъ, чтобы на основаніи его изложить главные нормы русскаго страхового права.

Итакъ, обратимся къ нашей темѣ.

¹⁾ Т. XI ч. 2 (уст. торг.), ст. 542.

²⁾ *Гражданское уложеніе*. Кн. V (Объ обязательствахъ). Проектъ редакціонной комиссіи по составленію гражданскаго уложенія, Спб., 1899 г. ст. 937—985. Морское страхованіе не нормировано этими статьями, хотя составители проекта относятъ морское сграхованіе къ гражданскому (а не торговому) праву.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Юридическая конструкция страхового договора.

Юридической конструкции страхового договора мы считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Общіе замѣчанія.

Римляне не знали торговаго права отдѣльно отъ гражданскаго. Мѣновое хозяйство не вытѣснило у нихъ всецѣло ойкосное, и ошутительной нужды въ специальныхъ правовыхъ нормахъ для торговаго оборота не чувствовалось. Но уже и здѣсь мы видимъ на ряду съ *jus civile* зарождающимся *jus gentium*—общенародное право, которое Іерингъ называетъ ¹⁾ „всеобщимъ международнымъ торговымъ правомъ“. Но это право, эластизировавъ и одухотворивъ *jus civile*, слилось съ нимъ въ единомъ гражданскомъ правѣ кодексовъ Юстиніана ²⁾.

Но вотъ развитіе торговли стало вызывать потребность въ особыхъ правовыхъ нормахъ для торговаго оборота. Для удовлетворенія этой потребности, сама жизнь стала вырабатывать обычное право на основаніи общихъ правовыхъ принциповъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ римскомъ правѣ, проявляя при этомъ и творческую дѣятельность въ созданіи новыхъ формъ, даже цѣлыхъ институтовъ.

Ученые юристы, воспитанные на формализмѣ римскаго права, начали пытаться заключить живой организмъ новыхъ институтовъ въ созданныя ими категоріи, ячейки, и хотѣли по своему направить развитіе этихъ институтовъ, включивъ ихъ въ систему институтовъ гражданскаго права. Но жизнь сдѣлала иначе.

Подобно тому, какъ соединенія углерода, одного изъ многихъ элементовъ, разсматриваемыхъ въ неорганической химіи,—какъ эти соединенія дали матеріаль для созданія новой стройной науки—орга-

¹⁾ *Ihering*. Geist des Römischen Rechts. 5 Aufl. I Theil (Leipzig, 1891), Erstes Buch, erster Abschnitt, § 16, s. 234: „allgemeines internationales Handelsrecht“.

²⁾ *Шершеневичъ*, *оп. с.*, стр. 20.

нической химіи,—такъ точно одинъ изъ видовъ частноправовыхъ отношеній—торговля—объединившись, обособившись, вызвалъ къ жизни торговое право. Едина химія, едино и частное право. Но подобно тому, какъ общіе законы химіи въ живой природѣ проявляются своеобразно, отлично отъ своихъ проявленій въ мертвомъ неорганическомъ мірѣ,—такъ общіе принципы частнаго права въ торговомъ правѣ проявились иначе, чѣмъ въ гражданскомъ. Въ торговомъ правѣ господствуютъ принципы, въ гражданскомъ—сильна форма. Поэтому, рассматривая институтъ торговаго права на основаніи общихъ правовыхъ принциповъ, познаваемыхъ одинаково изъ торговаго и гражданского права, нужно тщательно остерегаться подводить данный институтъ подъ категоріи этого послѣдняго. Быстро развивающійся живой организмъ торговаго института нельзя заключать въ медленно эволюционирующія формы гражданского права, не рискуя при этомъ впасть въ схоластику и логическую эквилибристику ¹⁾. При построении теоріи торговой сдѣлки вообще и страхового договора въ частности, мы должны быть особенно осторожны. Мы должны стремиться уловить тенденціи развитія даннаго института и принципы, которые въ немъ это развитіе устанавливаетъ. Наша задача—подмѣтить единообразіе и общіе признаки во *всѣхъ проявленіяхъ* изучаемаго института и, на основаніи исчерпывающаго изслѣдованія, а не апіорныхъ конструкцій, дать теорію этого института.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, обратимся къ опредѣленію договора страхования и къ анализу этого опредѣленія.

Опредѣленіе.

Опредѣленіе страхового договора есть результатъ индуктивной работы расчлененія на составныя части всѣхъ видовъ его и соединенія общихъ всѣмъ имъ признаковъ въ опредѣленіе. Что именно изслѣдовать—указываетъ словоупотребленіе, ограничивающее и опредѣляющее область изслѣдованія ²⁾. Non ex regula jus summat, sed ex jure quod est regula fiat—и наука, при построении юридической конструкціи какого-либо института, должна принять во вниманіе *весь* матеріалъ, да-

¹⁾ И дѣйствительно одинъ ученый, рассматривая результаты ряда подобныхъ попытокъ со стороны цивилистовъ, строящихъ теорію страхового договора, восклицаетъ: „къ сожалѣнію мы еще довольно сильно запутаны въ схоластику“.

Wir sind leider noch recht tief in der Scholastik befangen. Endemann (въ Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht. B. IX. Erlangen, 1866). Das Wesen des Versicherungsgeschäfts, s. 512.

²⁾ Hecker. Zur Lehre von der rechtlichen Natur der Versicherungsverträge, s. 14.

законотворчествомъ и обычнымъ правомъ ¹⁾, а не только ту часть этого матеріала, которая можетъ служить для подтвержденія и изрѣзкіи различныхъ апріорныхъ конструкцій.

Всѣ составныя части этого матеріала должны быть изучаемы съ разнымъ вниманіемъ и съ твердымъ намѣреніемъ вывести *индуктивно* опредѣленіе страхового договора, при чемъ равно должно остерегаться апріорнаго дедуктивизма и чрезмѣрнаго увлеченія историческимъ методомъ. Дедуктивизмъ вызвалъ къ жизни абстрактнѣйшія построенія, а увлеченіе (иногда безсознательное) историческимъ методомъ выставило какъ единственный „настоящій“ страховой договоръ первый по времени видъ его—договоръ страхованія имущества. Отсюда получилось стремленіе вывести опредѣленіе страхового договора вообще изъ изученія признаковъ одного лишь вида его—договора страхованія имущества—и всякій другой видъ страхового договора считать лишь „такъ называемымъ“ страхованіемъ. Эти „такъ называемыя“ страхованія намѣренно игнорировались при выводѣ опредѣленія, а затѣмъ, когда они не подходили подъ это опредѣленіе, ихъ объявляли недостойными носить имя страхованій, „такъ называемыми“ страхованіями; при этомъ забывалось простое логическое правило, что лишь *родовое опредѣленіе* годно для всѣхъ видовъ, а никакъ не *видовое*. Кромѣ того, неизвѣстнымъ остается, почему именно страхованіе *имущества* есть настоящее страхованіе. Въдѣ не можетъ же историческій пріоритетъ этого вида страхованія имѣть значеніе для провозглашенія его „настоящимъ“ страхованіемъ, а всѣхъ остальныхъ видовъ—„такъ называемыми“. Принципы, лежащіе въ основаніи перваго по времени вида страхованія, въ своемъ развитіи создали новые виды, и задача догматика—уловить эти общіе принципы въ ихъ временной и видовой эволюціи...

Итакъ, дадимъ опредѣленіе договора страхованія.

Договоръ страхованія за премію есть торговая сдѣлка, по которой одинъ контрагентъ (страхователь) за уплату извѣстнаго вознагражденія (преміи) пріобрѣтаетъ право на возмѣщеніе другимъ контрагентомъ (страховщикомъ) имущественнаго ущерба (право на страховую сумму или часть ея), могущаго произойти отъ возможнаго наступленія предусмотрѣннаго въ договорѣ событія ²⁾.

¹⁾ Lewis, op. c., s. 20.

²⁾ Ср. опредѣленіе Endemann. Das deutsche Handelsrecht, s. 834: Der Versicherungsvertrag besteht in der Uebereinkunft, wonach der eine Kontrahent, der Versicherer, gegen Zahlung der Versicherungsprämie, von seiten des anderen, des Versicherten oder Versicherungsnehmers, sich verpflichtet für den Fall eines gewissen Ereignisses den dadurch verursachten Schaden, oder eine im voraus bestimmte Summe an den

Это опредѣленіе обнимаетъ всѣ виды страхованія; обратимся къ анализу этого опредѣленія.

Анализъ опредѣленія.

1. Страховой договоръ есть прежде всего *сдѣлка*, т. е. добровольное соглашеніе сторонъ относительно имущественныхъ правъ. Отсюда вытекаетъ отличіе страхового договора 1) отъ самострахованія (договоръ, сдѣлка *съ самимъ собой* не возможны) и 2) отъ принудительнаго страхованія, устанавливаемаго велѣніемъ закона (подчиненіе закону не есть сдѣлка).

2) Страхованіе за премію есть *торговая сдѣлка*.

Наша судебная практика установила четыре признака торговой сдѣлки: а) спекулятивная цѣль; б) количество прибрѣтаемаго товара, исключающее предположеніе о прибрѣтеніи для собственнаго употребленія; в) двусторонность—сдѣлка должна быть торговой по отношенію къ обѣимъ сторонамъ; г) кредитъ.

ad а) Признакъ спекулятивности дѣйствительно присущъ всѣмъ торговымъ сдѣлкамъ: спекуляція на разницу между цѣной, за которую купецъ продаетъ и той, за которую онъ покупаетъ продаваемый товаръ, есть цѣль всякой торговой сдѣлки; безъ этой цѣли сдѣлка не была бы торговой. Въ страхованіи за премію страховщикъ спекулируетъ на разницу между суммой получаемыхъ премій и суммой всѣхъ уплатъ страхователямъ ²⁾).

ad б) Второй изъ установленныхъ нашей практикой признаковъ не можетъ, очевидно, считаться характернымъ для *всѣхъ* торговыхъ сдѣлокъ. Трудно говорить о „собственномъ употребленіи прибрѣтаемаго товара“ при покупкѣ и продажѣ цѣнныхъ бумагъ, въ вексельныхъ сдѣлкахъ, при договорѣ перевозки и т. п. Этотъ, второй, признакъ—*видовой* и для установленія *родового* понятія торговой сдѣлки не нуженъ. Поэтому, отсутствіе его въ страхованіи за премію не лишаетъ этой сдѣлки торгового характера.

ad в) Требованіе двусторонности для признанія сдѣлки торговой состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлка была таковой для обѣихъ сторонъ.

Versicherten selbst oder an andere Personen zu entrichten. (Договоръ страхованія есть соглашеніе, по которому одинъ контрагентъ, страховщикъ, за уплату страховой преміи другимъ,—застрахованнымъ или страхователемъ, обязуется на случай наступленія извѣстнаго событія покрыть причиненный этимъ событіемъ убытокъ или уплатить заранѣе условленную сумму самому застрахованному или другимъ лицамъ.

¹⁾ Шершеневичъ. Система торговыхъ дѣйствій, стр. 311—314.

²⁾ Lyon-Caen et Renault. Manuel de droit commercial. Paris, 1894, p. 44.

(Продолженіе слѣдуетъ).